

ISSN 2072-8530

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ОПЫТ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЬЮИ

ДИССИПАТИВНЫЙ ФАКТОР
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИГРОФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

ПОСТМОДЕРН: ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ
«СТРУКТУРЫ» – К ВЫЯВЛЕНИЮ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ
АКТОВ МЫШЛЕНИЯ

2014 / № 4

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Груздева О.С.</i> ОПЫТ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЬЮИ.....	6
<i>Клинкова Д.А., Фащенко А.Н.</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	13
<i>Коженова Л.В.</i> ДИССИПАТИВНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	20
<i>Макеев С.В., Капец В.П.</i> МЕЖДУ Я И МЫ: ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	29
<i>Олейник Ю.П.</i> ИГРОФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ.....	34
<i>Тригубенко Л.Е.</i> СИМУЛЯКРЫ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	40

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Вавилин В.В.</i> С.Н. БУЛГАКОВ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ	45
<i>Мурейко Л.В., Бахтин М.В.</i> ПОСТМОДЕРН: ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ «СТРУКТУРЫ» – К ВЫЯВЛЕНИЮ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ АКТОВ МЫШЛЕНИЯ	51
<i>Наши авторы</i>	65

CONTENTS

SECTION I. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>O. Gruzdeva.</i> EXPERIENCE IN DEWEY'S PHILOSOPHY OF EDUCATION	6
<i>D. Klinkova, A. Fashchenko.</i> THE DISCURSIVE FEATURES OF LEGITIMACY IMPLEMENTATION IN THE INFORMATION SOCIETY	13
<i>L. Kozhenova.</i> DISSIPATIVE FACTOR OF MODERN EDUCATION	20
<i>S. Makeyev, V. Kapets.</i> BETWEEN I AND WE: THE GENESIS OF SOCIAL DEVELOPMENT	29
<i>Yu. Oleynik.</i> THE GAMIFICATION OF EDUCATION IN THE NETWORK SOCIETY	34
<i>L. Trigubenko.</i> SIMULACRA IN THE PROBLEM FIELD OF ADVERTISING COMMUNICATION	40

SECTION II. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>V. Vavilin.</i> SERGEY BULGAKOV'S VIEW OF INDIVIDUAL SOCIALIZATION AS A BASIS OF SOCIAL RENOVATION	45
<i>L. Mureyko, M. Bakhtin.</i> POSTMODERNISM: FROM DESTRUCTION OF «STRUCTURE» TO IDENTIFICATION OF ELEMENTARY THINKING ACTS	51
<i>Our authors</i>	65

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК: 140.8

Груздева О.С.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

ОПЫТ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЬЮИ

Аннотация. Статья посвящена анализу важной составляющей философии образования Д. Дьюи – педагогической теории опыта. Согласно этой теории, опыт должен способствовать формированию в ребёнке личности, максимально использующей возможности настоящего и «динамику изменяющегося мира». Теория подготовила основу для непрерывного образования каждого человека, так как она была построена на принципах континуальности опыта и взаимодействия объективного и субъективного факторов, соединение которых определило ценность и образовательное значение опыта.

Ключевые слова: опыт, метод, свобода, индивидуум, язык.

O. Gruzdeva

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

EXPERIENCE IN DEWEY'S PHILOSOPHY OF EDUCATION

Abstract. The article examines an important component of the Philosophy of Education by D. Dewey – pedagogical theory of experience. In terms of this theory experience should promote the formation of child's personality capable of using both present possibilities and «dynamics of the changing world» at its most. The theory made a basis for continuous education of each person since it was constructed on the principles of continuity of experience and interaction of objective and subjective factors the combination of which determined the value and educational potential of experience.

Key words: experience, method, freedom, individual, language.

Опыт – фундаментальное понятие в философии, которое меняло своё содержание в зависимости от того, как то или иное философское учение или направление решало проблему обоснования знания. В классическом эмпиризме опыт понимался как источник знания, основанного на непосредственном чувственном восприятии реальности в процессе её познания. Накопление опытных дан-

© Груздева О. С., 2014.

ных и их обобщение с помощью экспериментально-дедуктивного метода, считали сторонники эмпиризма, вооружали знаниями, которые приближали человека к господству над природой и обществом. Поэтому наука, образование, просвещение рассматривались как важнейшие средства преобразования мира и человека. Представители педагогической мысли Я.А. Коменский, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, чьи взгляды базировались на философии эмпиризма, указывали на опыт как на основу воспитания ребёнка, считая, что дети не должны получать знания в книжной форме. Их надо готовить к самостоятельному добыванию знаний, которые складываются из самостоятельно накопленного и осмысленного жизненного опыта. Следовательно, ведущие представители педагогической мысли указывали, что ребёнок должен опираться на личный опыт при получении им образования. Однако это несколько не умаляло роль разума, который, в конечном счёте, выводил на путь истины объективной и всеобщей. Именно поэтому можно считать классическую философию наукой о целостном человеке: «человек познающий не отрывался от человека чувствующего, переживающего, действующего и общающегося» [6, с. 9]. Он был активным субъектом познавательного процесса, но в то же время воспринимал себя частью целого – природы, мира, общества, и поэтому подчинялся этому целому, отбрасывая всё субъективное как препятствующее постижению объективной истины. Идеалом классической рациональности была наука, как особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных и обоснованных знаний

о мире, истинность которых определялась степенью соответствия реальности.

На рубеже XIX–XX вв. на фоне углубляющегося кризиса классической парадигмы, начал складываться неклассический тип рациональности, основные принципы которого радикально отличались от принципов классической рациональности. Неклассическая философия ориентировалась на познание многообразных феноменов, данных человеку в его опыте. Ставилась задача изучения отдельных фрагментов действительности в соответствии с целями, ценностями или интересами отдельного человека, который был теперь не объективным наблюдателем, а помещался внутрь реальности. Реальность же больше не являлась единой, она распалась на множество «миров», каждый из которых обретал самостоятельность, поскольку выражал интересы разных социальных субъектов. «Инструментальный» характер познания предполагал не только относительный характер истины, но и признание множества истин, подходящих для определённого класса объектов. Если в классической философии господствовала корреспондентная теория истины, в неклассической философии, и, в частности, философии прагматизма, рассматривающей человека как активного преобразователя мира, сложилось её кумулятивное понимание. Прагматисты полагали, что в процессе накопления опыта и присоединения его к уже имеющемуся, меняется взгляд на изучаемые объекты и процессы. Кроме того, взгляды человека меняются и в процессе коммуникативного взаимодействия с другими людьми. Таким

образом, истина всегда относительна, контекстуальна, она рассматривается как результат решения определённой проблемы и представляет не свойство реальности, а результат человеческой деятельности.

В отличие от классической рациональности, в основе которой лежало представление о способности человеческого разума проникнуть в сущность вещей и построить объективную, целостную картину мира, исключающую влияние человеческой субъективности на результаты и процедуры познавательной деятельности, прагматисты настаивали на инструментальном характере разума, который находит своё выражение в стремлении человека осмыслить окружающий мир для достижения своих собственных целей. В прагматической теории Д. Дьюи объектом исследования стало познание, мышление как часть известного целого, *опыта* в широком смысле этого слова. Он считал, что вся философия есть теория познания (в широком понимании) или логика опыта. Следовательно, задача философии – установление взаимной связи различных типических функций опыта в их взаимно-определяющих отношениях. В этом случае философия не претендует на то, чтобы дать картину замкнутого и законченного мира-вселенной. Сами истоки мышления обязывают логику служить методом разумного руководства опытом. Мышление берёт начало в особых конфликтных моментах опыта; именно ситуация выбора вызывает к жизни мышление, для того чтобы найти путь решения проблемы. Понятие опыта в философии Дьюи имеет фундаментальное значение. По мнению Н.С. Юлиной, для Дьюи «опыт – это

«весь человек», его жизненный мир во взаимодействии с тем, что создано эволюцией природы, и с тем, что он вносит в него собственной субъективностью, культурой и историей» [7, с. 168]. Опыт текуч, изменчив, эстетически уникален и в то же время целостен. Большое значение в восприятии и оформлении опыта играют язык и символические средства культуры. Ощущения человека служат источником, началом знания, в том смысле, что побуждают к акту действия; они – стимулы к рефлексии и умозаключению, мотивы к исследованию и сопоставлению, которые в итоге рождают знание. В прагматизме главной функцией философии является рационализация опыта, прежде всего – коллективного человеческого опыта. Поэтому отстаивая в прагматистской методологии познания «неразрывность познания и деятельности, которая преднамеренно изменяет окружающую среду» [4, с. 310], Дьюи важной составляющей своей философии образования сделал опыт.

В философии образования Дьюи обосновал невозможность осуществления своего проекта «демократического сообщества» без реформирования образования. В образовании Дьюи назвал главными «критериями ценности опыта» принцип континуальности опыта, позволяющий, используя опыт прошлого, решать проблемы будущего и принцип взаимодействия субъективных и объективных факторов, формирующий стремление к активному и равноправному взаимодействию с миром. Обозначенные им принципы должны были связать «приобретённые в школах знания с деятельностью, протекающей в среде повседневной совместной жизни» [4, с. 311].

Анализируя первый критерий опыта – его *континуальность*, Дьюи в своей философии образования возвратился к уточнению природы *метода*. Если в классической философии метод универсален, неклассическая философия провозгласила плюрализм методов. Представитель прагматизма У. Джеймс, объясняя принцип плюрализма, отмечал, что мир – единое, так как части его соединены между собой какой-нибудь формой связи; мир – многое, потому что существуют различные формы связи, но он становится всё более объединённым благодаря тем системам связей, которые создаёт человеческая энергия. В этом мире наши основные методы мышления о вещах – открытия, сделанные предками и сумевшие сохраниться в последующие времена. Различные типы мышления не могут обосновать свои притязания на абсолютную истинность, они подходят для определённых целей. Следовательно, для прагматизма характерны поиски метода соответственно видам человеческой деятельности. Так, например, Пирс выделял метод упорства, метод авторитета, априорный метод, метод науки. Он отмечал, что каждый из этих методов хорош по-своему. Но только метод науки позволяет ясно различать верные и неверные пути исследования, только при научном методе, когда от правные точки зрения могут противоречить, исследование заставляет учёных выходить за свои пределы и стягивать все получаемые результаты к одному заключению. Разбирая разные методы, прагматизм указывал их практическую значимость, т. е. что станет полезным для человека в его повседневной деятельности, заставит

работать в потоке опыта. Д. Дьюи под *научным методом* «мыслил систему взаимосвязанных социальных практик, имеющих собственные, оправдавшие себя достоинства, такие как открытость для новизны, свобода воображения, критика посылок и результатов на основе интерсубъективной проверяемости» [7, с. 180]. В системе социальных практик на первое место Дьюи вывел ценности, ценностный мир, которые становятся предметом философской рефлексии во второй половине XIX в. Соглашаясь с Ч. Пирсом, называвшим ценностью то, что удовлетворяет потребность человека, он выделял в своих работах *ценностные отношения, ценности, желания и побуждения, ценностные суждения*. Любое событие в жизни человека с точки зрения Дьюи – ценность, поскольку, сравнивая его с похожими событиями, уже происходившими ранее, он выбирает для себя лучший образец поведения. Таким образом, Дьюи считал, что между научным и моральным исследованием нет принципиального различия, так как метод исследования в обоих случаях занимается экспериментальной оценкой последствий человеческой деятельности. Значит, научный метод применим не только к миру природы, но и к сфере морали; его использование оказывает важное воздействие на повседневную жизнь людей.

В образовании для Дьюи метод – «установление пути», организация содержания обучения, которая делает его наиболее эффективным. Этот эффект достигается при условии, что методика не отделяется от предметного содержания, учитываются конкретные опытные ситуации. Конечно,

даже одинаковые методы не приведут к одинаковым результатам в обучении, следовательно, необходимо «сделать методы адекватными разнообразию и особенностям каждой личности», резюмировал Дьюи [5, с. 132]. В будущем это должно привести к замене метода прямого воздействия на ребёнка на метод «косвенного воздействия», который постоянно будет поддерживать ребёнка в состоянии деятельности. В классической школе, по мнению Дьюи, где при помощи различных «методических ухищрений» пытаются возбудить интерес у ребёнка к учёбе, во главу угла ставится количество, а не качество знания, «видимые» итоги, а не умение решать проблемы. «Предметы преподавания лишаются своей логической ценности и даются только как материал «для памяти» [3, с. 17]. В прогрессивном образовании, пояснял Дьюи, центр группировки школьных предметов и расположение учебного материала определяет «собственная общественная деятельность ребёнка» [2, с. 8], его природа, а также социальный источник учебной дисциплины. Если же воспитание есть сама жизнь, продолжал Дьюи, то и «последовательной смены предметов» в школьной программе не должно быть; в ней должны быть представлены сразу все области человеческой жизни. Таким образом, именно интеграция школьных предметов по принципу природосообразности создаст простор для развития воображения и интеллектуальной деятельности ребёнка. Учебная программа будет учитывать потребности и интересы ребёнка подробнее и яснее; она не останется неизменной, а будет постоянно улучшаться и изменяться. Кроме того, не должно быть

мнимого «общего образования» и минимума знаний, обязательного для всех, а должен быть максимум знаний, для каждого индивидуальный.

Обращаясь ко второму критерию опыта – *принципу взаимодействия субъективных и объективных факторов*, Дьюи не мог оставить без внимания взаимоотношения индивидуума и окружающего мира, отмечая, что «индивидуализм возникает тогда, когда ослабляется власть обычаев и традиций как образцов веры» [4, с. 276]. В работе «Индивидуализм: старый и новый» он критиковал так называемый «старый индивидуализм», в основе которого – исключительно частная экономическая выгода. В современном мозаичном мире на смену ему пришёл новый индивидуализм самовыражения, основанный на творчестве и самореализации. Такой индивидуализм Дьюи сравнивал с собственным садом без забора, а в целом сады – с нашим миром, где каждый человек участвует в его бытии. Люди взаимодействуют друг с другом, объединяются в сообщества для обмена опытом и реализации идей, используя достижения человечества не только для материальной выгоды, но и для возможности действовать свободно и заинтересованно.

Понимание свободы в прагматизме означает свободу выбора, обеспечивающую свободу в развитии человека. Дьюи называл свободу одним из основных принципов демократии, создающим условия для развития всех сторон жизни человека. В связи с этим он обращал внимание на необходимость в школе свободы, воспитывающей в детях независимость и деловитость. Чувство свободы открывает простор для творчества, позволяя ребёнку соз-

давать свой особый путь выхода из любой ситуации, не выбирая между уже существующими; формировать свою устойчивую линию поведения в течение жизни. Соответственно, свобода позволит ребёнку управлять своими импульсами, научит самообладанию, полному и свободному использованию своих способностей в жизни. Но в учениках надо развивать разумную свободу, не угрожающую свободе окружающих, поэтому они должны получать свободу, которая укрепляет волю и развивает чувство ответственности. В противном случае обязательный план занятий и постоянный контроль со стороны взрослых освободят их от желания поиска своего пути и приучат перекладывать ответственность за всё на других. Следовательно, индивид накапливает свой опыт как в процессе самовоспитания, так и в процессе взаимодействия с другими людьми и объектами, что происходит через диалог как средство коммуникации, являющееся основой для любого человеческого общества, поскольку свобода невозможна без коммуникации.

В образовании развитию коммуникации способствуют, с точки зрения Дьюи, активные формы обучения, среди которых он выделял игру и труд, построенные на диалоге и развитии творческих способностей ребёнка. Когда на уроках вводится личное экспериментирование, ребёнок начинает интересоваться «не предметом как таковым, а предметом как определённым фактом в полном и развивающемся опыте» [3, с. 15–16]. Использование игры, являющейся важной функцией человеческой жизни, которая сочетается у ребёнка с самообразованием и участием в жизни взрослых,

приведёт к тому, что обучение будет способствовать возбуждению разностороннего и продолжительного интереса ребёнка к изучаемым фактам, которые станут конкретнее и понятнее, его стремлению самому открыть какое-либо правило или положение, проверить его в процессе дальнейшей практики. Способности ребёнка при такой организации обучения развиваются, он воспитывается для действия. Опираясь на совместную деятельность учащихся, школы будут работать более эффективно, а ученики смогут понять социальный смысл собственных способностей и приобретут навыки эффективного разрешения конфликтов.

Таким образом, центральное значение в философии Дьюи принадлежит понятию опыта, отождествляемому со всем жизненным миром человека. Человеческий опыт для него – это экзистенциальный опыт, или опыт жизни. Вот почему важной составляющей философии образования Д. Дьюи стала педагогическая теория опыта, построенная на принципах континуальности опыта и взаимодействия объективного и субъективного факторов. Она подготовила основу для непрерывного образования каждого человека. Использование принципа континуальности опыта влечёт за собой пластичность учебной программы, интеграцию школьных предметов, отбор наиболее эффективных для обучения образовательных методов, учитывающих интересы каждого ученика, что позволяет любому из них получить свой максимум знаний. Принцип взаимодействия субъективных и объективных факторов, реализуемый через предоставление ребёнку разумной свободы и организацию активных форм обучения,

способствует развитию у учащихся потребности в коммуникации, которую Дьюи считал важнейшим условием осуществления идеи «демократического сообщества». Благодаря ученикам и последователям У.Х. Килпатрику, Е. Коллингс идеи Дьюи нашли воплощение в «методе проектов» и так называемых комплексных программах, получивших распространение в США, многих странах Европы, в Японии и России [1].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диденко К.В. Общие тенденции развития философии образования в отечественном философском поиске // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. №1. С. 62–67.
2. Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Свободное воспитание. 1913–1914. №12. С. 1–16.
3. Дьюи Д. Дитя и программа // Школа и ребёнок. М., 1922. 61 с.
4. Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000. 383 с.
5. Дьюи Д. Индивидуальная психология и воспитание // Общественно-активные школы: Образование ребёнка как субъекта демократии: хрестоматия / Редактор-составитель Г.Б. Корнетов. М., 2007. С. 130–134.
6. Мареев С.Н. Классическая философия и «философия науки». М., 2009. 321 с.
7. Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М., 2010. 600 с.

УДК 1:316 [070:004]

Клинкова Д.А., Фащенко А.Н.*Тверской государственный технический университет*

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье показано, как новые дискурсивные практики информационного общества в их сетевом, кодово-символическом и игровом формате могут порождать новые легитимные отношения или же, напротив, укреплять существующий институциональный порядок. Углублено понятие «сетевой дискурс», которое определяется как «специфическая форма коммуникации, выстраивающаяся на базе массмедийных технологий». Раскрыто его смысловое содержание и механизмы знакопорождения. Отмечена возможность негативного влияния высоких скоростей информационных потоков на процесс легитимации общественных связей в когнитивном и ценностно-нормативном измерениях.

Ключевые слова: информационное общество, социальная легитимация, дискурс, сетевой дискурс, массмедийные коммуникации.

D. Klinkova, A. Fashchenko*Tver State Technical University*

THE DISCURSIVE FEATURES OF LEGITIMACY IMPLEMENTATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article shows how new discursive practices of the information society in their network, code-symbolic and game format can generate a new legitimate relationship or, on the contrary, strengthen the existing institutional order. It deepens the concept of «network discourse», as a specific form of communication built on the basis of mass media technologies, and reveals its semantic content and behavior mechanisms. The authors note the possibility of adverse effects of high speed information flows on the process of legitimization of public relations in cognitive and value-normative dimensions.

Key words: information society, social legitimization, discourse, network discourse, mass media communication.

Дискурсивное пространство информационного общества создаёт новые коммуникативные условия осуществления социальной легитимации. Традиционно процесс социальной легитимации понимается как добровольное признание институционального порядка в его когнитивном и ценностно-нормативном аспектах [2, с. 153; 7, с. 26]. Стремительное распространение современных массмедийных технологий делает необходимым осмысление специфики дискурсивного пространства информационного общества, на базе которого складывается новый коммуникативный механизм публичной, правовой и политической легитимации.

Современный *сетевой* тип информационного общества сопряжён с беспрецедентными скоростями потоков сообщений, которые порождают непроизвольный эффект «размывания» устойчивости знаний, ценностей и социальных норм. Когнитивные и ценностно-нормативные представления не успевают прочно отложиться в сознании индивида или группы, приобретают порой специфические формы, быстро устаревают или нивелируются под воздействием всё новых и новых фактов. В связи с этим особенно важной видится задача изучения особенностей осуществления легитимации, способствующей упорядочиванию ценностно-нормативной среды с её устойчивыми и легитимированными социальными отношениями.

Изучение природы коммуникативно-дискурсивного пространства информационного общества и его влияния на процесс формирования социальной легитимации находится в центре внимания представителей самых разных направлений социально-гуманитарного знания: философов, социологов, лингвистов, культурологов, политологов, психологов [2; 3; 4; 6; 9]. В исследовательской среде сложилось два ключевых подхода к рассмотрению природы социальной коммуникации и её легитимных оснований: структурно-функционалистский (Н. Луман и др.) и дискурсивно-коммуникативный (Ю. Хабермас и др.) [7]. Первый связан с рассмотрением социальной коммуникации в ракурсе системных механизмов, организующих взаимодействия акторов. Второй подход акцентирует «ориентацию на другого» в процессе постоянного конституи-

рования реальности социума как интерсубъективного жизненного мира.

Согласно воззрениям Ю. Хабермаса, рассмотрение современного общества в перспективе жизненного мира и социальной интеграции, определяемых системой значений, разделяемых субъектами, дополняется его анализом как системы, интеграция которой осуществляется через «дискурсивное волеизъявление» всех потенциальных участников, а также посредством функциональных связей, которые изначально не являлись результатом намерений действующих лиц. Коммуникативное действие координируется через акты взаимопонимания. Ю. Хабермас прямо определяет понятие *коммуникативного действия* как совокупность «актов взаимопонимания», которые способны связывать между собой планы действий различных участников и соединять их целенаправленные действия в «единую связную интеракцию». Процессы взаимопонимания нацелены на «достижение согласия», которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Взаимопонимание, тем самым, характеризуется как «договаривание», как «практика достижения согласия». Если взаимопонимание является механизмом координации коммуникативного действия, то согласие – результатом обоюдного взаимопонимания. Трудно парировать утверждение Ю. Хабермаса о том, что согласие невозможно искусственно навязать другой стороне, что «к нему нельзя *обязать* соперника, манипулируя им: то, что явным образом производится путём внешнего воздействия, нельзя считать согласием» [11, с. 200].

Наделяя социальную коммуникацию свойством нравственного признания, немецкий философ считает, что согласие является идеальной моделью языковой коммуникации, поскольку оно результирует общие убеждения.

Установка Ю. Хабермаса на обязательное достижение согласия с рациональной точки зрения выглядит убедительной, но при этом не лишённой противоречий. Положительный коммуникативный успех наблюдается в том случае, когда все участники разговора (*акторы* – в терминологии Ю. Хабермаса) изначально настроены на обоюдное согласование своих целей и действий относительно «данной ситуации» и «ожидаемых последствий». Однако, если вопрос о необходимости достижения согласия находится «за скобками» разговора, т. е. о нём ещё только *предстоит договориться*, тогда переговоры могут зайти в тупик или вовсе прерваться. Повседневные и профессиональные представления отдельных индивидов, групп и целых сообществ отличаются такой многомерностью, что довольно трудно себе представить наличие постоянной внутренней настроенности всех коммуникантов на взаимное согласие.

В любом случае значимость установки Ю. Хабермаса на коммуникативный *консенсус* не теряет своей актуальности и сегодня. Мир, сопряжённый с конфронтацией, может и должен стремиться к согласию, достигнутому исключительно ненасильственным путём, с помощью аргументированного убеждения. Каждый участник социальной коммуникации должен быть готов к критике и самокритике, должен иметь равные дискурсивные возможности. Консенсус предполагает

не только признание одной стороной значимости суждения другой, но и компромисс, т. е. способность всех участников жертвовать частью своих собственных интересов ради принятия общего положительного решения.

Дискурсивные практики информационного общества предполагают необходимость овладения современным человеком множеством языковых кодов, властно регулирующих его «допуск» в публичные или специализированные информационные пространства. С одной стороны, разнообразные коммуникативные процессы значительно расширяют информационные возможности личности, которая в силу своих индивидуальных и коллективных потребностей формирует собственные коммуникативные стратегии, выбирает формы и каналы коммуникации, определяет партнёров по взаимодействию и, тем самым, накладывает свой отпечаток на условия формирования социальной легитимации. С другой стороны, огромный поток массмедийных сообщений, обрушивающийся повсеместно на индивида, усиливает опасность возникновения в его сознании информационной неопределённости.

В информационном обществе на базе социальной коммуникации происходит постоянная настройка связей между сферами научно-технических инноваций, экономики, политики, культуры и жизненным миром повседневности. Взаимопроникновение культур, переплетение прошлого, настоящего и будущего со стремительным развитием информационных, телекоммуникационных и компьютерных технологий формируют новый коммуникативно-дискурсивный ланд-

шафт, в пространстве которого и ставится проблема легитимации.

Чтобы стать легитимными, то есть принятыми и одобренными обществом, социальные отношения должны пройти, согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана «мучительный» путь типизации, хабиутализации, институционализации и легитимации. Полный цикл социального конструирования реальности включает эти способы в качестве последовательно пройденных ступеней. Роль легитимации состоит в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации «первого порядка». Когда скорость информационных потоков начинает «зашкаливать», возникает проблема потери смысла, и процесс легитимации получает сбой на стыке хабиутализации («опривычивания») и институционализации (складывания социального порядка). С одной стороны, легитимация не успевает «объяснять» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. С другой стороны, легитимация не успевает «оправдывать» институциональный порядок, придавая ценностно-нормативный характер практическим императивам. Иными словами, хаотично накапливая «знания», человек оказывается не готовым к следующему шагу – к определению «правильности» или «неправильности» своих действий в изменчивых условиях дискурсивного пространства [2, с. 168–169]. Отсутствие общественной поддержки, например, снижает эффективность реализации того или иного закона. Социальная легитимация может и не совпадать с существующим законом,

а также укоренять и закреплять некие устойчивые отношения, регулирование которых не предусмотрены государственным правом.

Информационное общество минимизирует временной ресурс установления социального порядка. Институциональные универсумы пребывают в динамичном, неокончательном виде, проникая в различные социальные сферы человеческой деятельности, стирая границы между ранее установленными отношениями. Нормы и ценности, ещё не успевшие сформироваться и закрепиться, снова и снова подвергаются корректировке. Это происходит в различных сферах человеческой деятельности: политике, праве, публичных отношениях. Язык вынужден реагировать на новые реалии человеческого бытия. Сегодня именно с помощью лингво-семиотических возможностей легитимация институционального порядка призвана сдерживать информационный хаос.

Есть класс проблем, законодательное регулирование которых практически невозможно. В этом случае упорядочивание отношений между социальными акторами перекладывается на социальную легитимацию. Речь идёт о теневых практиках, к которым относят коррупцию, негласные соглашения, неформальные договорённости и т. п. Это довольно большая часть социально-нормативных отношений, регулирование государством которых практически невозможно [4; 6].

Под *дискурсом* понимается сложное единство языковой формы, значения и действия, выраженное в коммуникативном событии или коммуникативном акте. Имея социальный контекст, дискурс включает в себя не только

текст (гипертекст), но и оказывается способным описывать самих участников коммуникации, а также весь процесс передачи и восприятия сообщения. В современных гуманитарных науках дискурс приобретает два основных смысла: в первом случае это обозначение методически дисциплинированной речи или высказывания по некоторой теме; во втором случае – обозначение языкового действия в рамках разговора или беседы [5]. В информационном обществе дискурсивное пространство по форме становится *сетевым*: как «живая» система, оно может сужаться, расширяться; его интенсивность может увеличиваться или уменьшаться; оно может быть временным и постоянным.

Сетевой дискурс (в разной терминологии – *виртуальный дискурс*, *интернет-дискурс*) вбирает в себя все известные дискурсы (повседневный, научный, профессиональный, политический, правовой и др.), имеет сложное строение, обладает особым механизмом знакопорождения. Это – открытое пространство, где каждый может высказать своё мнение, получить отклик на него и найти единомышленников. Интернет-дискурс позволяет сделать информацию доступной различным категориям пользователей в удобное для них время и в любом месте. Благодаря ему расширяются возможности накопления и переработки информации, возникают новые формы коммуникации. Например, IT-ресурсы современной образовательной среды имеют на сегодняшний день разнообразную форму: от интернет-каталогов (электронные научные библиотеки (например, elibrary.ru), *интернет-издания* о высоких технологиях (cnews.ru),

новости о компьютерной технике (ixbt.com), онлайн-издания, посвящённые компьютерным технологиям (3dnews.ru), энциклопедия информационных технологий (www.interface.ru)) – до электронных магазинов (www.it-shope.ru), виртуальных музеев (www.computer-museum.ru) и даже интернет-университетов информационных технологий (www.intuit.ru).

Коммуникация в информационном обществе происходит исключительно в рамках систем с обратной связью. Интернет отличается от традиционных СМИ одним важным обстоятельством – *интерактивными (диалогическими) текстовыми компонентами в режиме онлайн*. Пресса, радио и телевидение являют собой пример односторонней коммуникации в форме замкнутой информационной системы «источник – потребитель». Организаторы массмедийного вещания давно поняли главный недостаток такой коммуникации – *отсутствие референта*, который должен способствовать диалогу и критической остроте вещания. Чтобы минимизировать эту проблему, стали использовать интерактивные средства коммуникации. На смену традиционным «письмам» от зрителей пришли «живой» эфир, прямые дебаты, sms-голосование, дублирование информации на сайтах блогосферы и другие формы общения с потенциальным потребителем массмедийного продукта. Однако только Интернет с его сетевыми технологическими возможностями может считаться по-настоящему интерактивным, диалогическим средством общения, где элементы языкового свойства (знак и слово) служат значимой в процессе публичной ле-

гитимации коммуникативной воле, отражающей ценности, сложившиеся обычаи и убеждения [1; 8; 10].

Современные средства массовой информации, согласно Ж. Бодрийяру, основываются на симулякрах третьего порядка. Реальность проникает в представления современного человека в режиме прямой трансляции, обеспечиваемой радио-, телевидением и интернетом. В пространстве аудио- и визуальных образов меняющаяся виртуальная временная динамика массмедийных коммуникаций оказывается способной влиять на ритмику реальных социальных процессов, на деятельность по публичной легитимации общественных отношений, институтов.

Пользователь глобальной сети, реально существующий лишь в разного рода реакциях на его «сообщения», наверное, вправе рассматривать себя как систему связей, как *сеть*, зависимую от многих других сетей, непрерывно перерабатывающую информацию с целью постоянного обновления желаемой виртуальной идентичности. Такой «сетевой» человек в силу своих индивидуальных и коллективных потребностей формирует личные коммуникативные стратегии, выбирает формы и каналы коммуникации, определяет партнёров по взаимодействию. Знание множества языковых кодов помогает пользователю интернета формировать сложнейшую систему обратных связей, благодаря чему информация *вновь и вновь* возвращается в оборот «коллективного говорения» и, проходя через речевой акт множества участников, претерпевает длинную серию модификаций. Так формируется и действует механизм, превращающий

массмедийные средства информации и каналы их распространения в главный ценностно-нормативный ресурс коммуникации, непосредственно вовлечённый в дискурс публичной легитимации.

Современная дискурсивная ситуация заключается в том, что активно обсуждаемые в СМИ темы нередко приобретают большой общественный резонанс. Так, во многом благодаря «коллективному говорению» для России 2012 г. стала острой проблема легитимации выборов. Интенсивные дискуссии в интернете и массовые уличные митинги отразили противоречие между старыми выборными традициями «одного-из-одного» и новыми поведенческими ожиданиями граждан, ориентированных на «чистые» выборы. По схожим причинам публичной дискурсивной конфронтации в Бельгии после парламентских выборов 2010 г. наступил политический кризис. Из-за разногласий между франкофонами и фламандцами, широко транслируемых по всем каналам СМИ и интерфейсам, страна оказалась вынужденной жить без правительства рекордно долгое время – более 500 дней. В обоих приведённых примерах возобладали диалогические принципы коммуникации: в России под давлением обоюдного «говорения» на избирательных участках появились видеокамеры и электронное оборудование для обработки бюллетеней; в Бельгии после долгих публичных дебатов был сформирован новый состав кабинета министров и утверждён бюджет страны. Однако результатом коммуникативного взаимодействия, репрезентированного перформативными высказываниями, может оказаться и

коммуникативная неудача (конфликт или силовое воздействие).

Таким образом, коммуникативные стратегии информационного общества в их сетевом, кодово-символическом и игровом формате могут ставить под сомнение, расшатывать, разрушать или же, напротив, укреплять основания существующего иерархического институционального порядка, а также – через дискурсивные практики с их специфическим полем интересов – воздействовать на процесс формирования новых легитимных отношений.

Современный «сетевой» дискурс как специфическая форма коммуникации, выстраивающаяся на онлайн-платформе массмедийных средств информации и интернета, представляет собой относительно свободную площадку для «говорения». Интернет-дискурс характеризуется неограниченным числом участников, самозарождающейся тематикой дискуссий и вариативностью аргументаций. Сетевое дискурсивное пространство имеет интенциональный характер в том смысле, что оно демонстрирует виртуализированные притязания на значимость и одобрение и, тем самым, оказывается способным формировать платформу для публичной легитимации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекбаева Н.Р., Михайлова Е.Е., Фашенко А.Н. Интернет-коммуникации: социально-этический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 2 (21). С. 5–17.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
4. Дёмина Л.А. Мораль, право и международный правопорядок в теории дискурса Юргена Хабермаса // История государства и права. 2014. № 6. С. 20–26.
5. Касавин И.Т. Дискурс-анализ как метод исследования сознания // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон, 2009. С. 242–249.
6. Клинова Д.А. Формирование представлений студенческой молодёжи о правовой легитимности в информационном обществе // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 159–165.
7. Козлов С.В. О концептуальном анализе понятия «легитимность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2014. №1. С. 26–34.
8. Михайлова Е.Е., Клинова Д.А. Лингво-семиотический аппарат и властные функции Интернет-коммуникаций // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Вып. 4 (36). С. 33–44.
9. Рубцова Н.Е. Структура психологического пространства профессионального труда в современной России // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2014. №1 (68). С. 29–32.
10. Фашенко А.Н. Конституирование мира личности: информационно-аксиологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 2. С. 21–24.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. 380 с.

УДК 140.8

Коженова Л.В.*Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования***ДИССИПАТИВНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье на основании футурологической концепции Третьей волны рассматривается явление диссипации в современном социальном пространстве и системе образования, как его составной части. Выделяются историко-социальные причины и возможные следствия данного явления. Прослеживается развитие идеи диссипации в контексте синергетической концепции нестабильных, открытых систем. В заключение подчёркивается необходимость анализа диссипативного фактора в образовании для осмысления прогрессивных направлений его развития.

Ключевые слова: детерминизм, Третья волна, изменение, диссипация, вариативность, открытые структуры, стили мышления.

L. Kozhenova*St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education***DISSIPATIVE FACTOR OF MODERN EDUCATION**

Abstract. Based on the futurological concept of the Third wave the article considers dissipation in modern society as a whole and education system as its constituent. The author highlights historical and social causes and possible consequences of this phenomenon. The development of the idea of dissipation is traced in the context of the synergetic concept of unstable, open systems. In conclusion the urgency of the analysis of a dissipative factor in education is stressed for realizing the progressive directions of its development.

Key words: determinism, the Third wave, change, dissipation, variability, open structures, styles of thinking.

Настоящий день отражает черты уходящей индустриальной эпохи и всё более проявляющей себя информационной. Можно сказать, что сегодня два типа общественного мироустройства сосуществуют одновременно, но будущее направляется теми интенциями, которые имеют энергетический потенциал. Переход индустриального общества к информационному ставит образование перед необходимостью оценки происходящего для согласования собственных задач с тенденциями, способными развиваться за пределами сегодняшнего дня.

Современная система образования в том структурном выражении, в котором она осуществляет свою деятельность сегодня, начала формироваться в XVI в., с зарождением капитализма в Западной Европе. В XIX в., в период расцвета европейского индустриального общества, эта форма образования стала ведущей во многих странах. По мере усложнения и развития экономических сфер капитализма всё более возрастали социальные потребности в образованности насе-

ления, снижалась стоимость образования и повышалась его доступность. В XX в. образование стало не только всеобщим, но и обязательным, а общество, преодолев индустриальный этап развития, шагнуло в фазу становления постиндустриального, информационного общества. Сложность любого переходного периода особенно ощутима для системы образования, которая, как носитель ценностей и идей устоявшейся формы общественных отношений, является структурой инерционной. Эта инерция в современной переходной ситуации при высокоскоростной динамике изменения общества находится в постоянном противоречии с принципиально новыми проблемами.

Для анализа кризиса современной организации общества, и в частности – системы образования, Э. Тоффлер в книге «Третья волна» предлагает рассмотреть футурологический аспект развития западной цивилизации [7]. Он описывает особенности трёх «цивилизаций», в «волнах» которых творится история человечества. Первую волну перемен он связывает с поворотным моментом для роста сельского хозяйства – «сельскохозяйственной революцией», которая полностью изменила сельский образ жизни [10, с. 38]. Конец XVII в. – время подъёма Второй волны: «революция индустриальная» начала своё движение по планете, неся с собой новые модусы материальных и социальных ценностей, в частности, классно-урочную форму образования. Хотя этот процесс продолжается, Тоффлер пишет: «... Положено начало другому, ещё более важному процессу. Когда прилив индустриализма достиг своего пика в период после окончания второй миро-

вой войны, по земле начала двигаться мало кем понятая Третья волна, трансформирующая всё, чего бы она ни коснулась. <...> В наши дни все страны, обладающие высокими технологиями, страдают от коллизии между Третьей волной и устаревшими, отвердевшими экономикой и учреждениями Второй волны» [10, с. 39].

В жизни каждого человека, утверждает философ, зарождается эта новая цивилизация, несущая новые отношения, новые способы действия и жизни. Тот, кто не способен *увидеть*, пытается подавить в себе неясные ростки нового мира. Страх расстаться с прошлым небезоснователен. Каждая волна перемен в определяющей степени уничтожает более ранние культуры и замещает их образом жизни, непостижимым для предшествующего поколения. «Разрыв семейных уз, колебания в экономике, паралич политических систем, разрушение наших ценностей – на всё это оказывает своё воздействие Третья волна» [10, с. 33]. Эти социальные катастрофы, отмечает Тоффлер, происходят, поскольку очень многое из того, что несёт в себе новая цивилизация, противоречит ставшей традиционной индустриальной культуре: «Возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведёт нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. <...> Это – цивилизация со своим собственным представлением о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности» [10, с. 33–34]. Но для массового сознания характерен другой образ будущего. Большинство людей

считают, что привычное для них мироустройство сохранится неопределённо долгое время. Они вынуждены признать, что происходят какие-то перемены, но всё-таки надеются, что «будущее» будет продолжением «настоящего». Такая система взглядов, не желающая *видеть* возможности настоящих и грядущих трансформаций «выражается в непроверенных постулатах, на которых часто основываются решения бизнесменов, учителей, родителей и политиков» [10, с. 35].

Разрушение, казалось бы, неизбежных общественных форм уже имеет опыт истории. Так же цивилизация Второй волны несла с собой неизбежность появления новых социальных ценностей, определяемых новыми экономическими условиями – например, появление нуклеарной семьи: «Когда экономическое производство сместилось с поля на завод, семья утратила возможность работать вместе как производственная ячейка. Чтобы получить рабочих для фабричного производства, ключевые функции семьи были распределены между новыми специализированными учреждениями. Воспитание ребёнка было передано школе. Забота о пожилых людях перешла в ведение приютов для бедняков, домов для престарелых или частных лечебниц» [10, с. 64]. Кроме того, для производственных целей семья должна была стать мобильной, и, несмотря на болезненность процесса, структура семьи стала меняться, становиться всё более приспособленной к потребностям новой техносферы – так появилась оптимальная для индустриальной экономики нуклеарная семья.

Для капиталистического производства потребовалась не только но-

вая семья, но и новое образование. В середине XIX в. Эндрю Юэ писал о «кадровой» проблеме европейского производства: «... Людей, миновавших период полового созревания и занимавшихся ранее сельскохозяйственным трудом или каким-либо ремеслом, почти невозможно превратить в полезные производству рабочие руки» (цит. по: [10, с. 65]). Решением этой проблемы стало массовое обучение, которое вводило «основы чтения, письма и арифметики, немножко истории и других предметов» [10, с. 65]. Наряду с этим «явным учебным планом» Э. Тоффлер указывает на «скрытый учебный план», который «состоял (и всё ещё состоит в большинстве индустриальных стран) из трёх курсов, цель которых – научить пунктуальности, послушанию и выполнению механической, однообразной работы» [10, с. 65–66]. Необходимость развития таких навыков была обусловлена тем, что экономическое производство требовало выученный персонал для поточной работы, безоговорочно выполняющий указания начальства и готовый работать до изнеможения, выполняя скучные, однообразные операции в конторе или на фабрике. Э. Тоффлер акцентирует внимание на тенденции в образовании, которая соответствовала индустриальному социальному запросу: «... Происходила последовательная экспансия образования: дети начинают ходить в школу во всё более раннем возрасте, учебный год становится всё длиннее и длиннее <...> а число лет принудительной учёбы в школе неуклонно растёт» [10, с. 66]. Всеобщее образование – это, безусловно, шаг на пути к гуманизации человечества, и, тем не менее, формы и

способы образования «подвергали механической обработке одно за другим поколения молодых людей, готовя из них податливую унифицированную рабочую силу» [10, с. 66].

Характеризуя философию индустриального общества, М. Хоркхаймер и Т. Адорно в своём труде «Диалектика Просвещения» пишут, что она далека от философии объективного разума, для которой разум – имманентный принцип реальности. Напротив, это философия разума субъективного, где разум переходит в категорию инструментов, обеспечивающих согласование выбранных средств с определённой системой целью: «Мышление превращается в вещь, инструмент <...> Вместо того чтобы продвигаться дальше, вникая в существо вещи, мышление целиком посвящает себя безнадёжному делу обслуживания партикулярного мышления» [1, с. 41, 241]. Т. Адорно и М. Хоркхаймер заявляют, что разум стал чисто инструментальным и над целями он больше не властвует, поскольку не «истина», а «система», её стабильность и развитие являются целями философии индустриализма.

Рассматривая постмодернизм в числе философских способов осмысления постиндустриального общества, Ж. Делёз и Ф. Гваттари в диалогии «Капитализм и шизофрения» говорят о феномене, определённом ими как *тело без органов*, и прослеживают для него разрушающую функцию внешней организации [3, с. 26]. *Тело без органов* противостоит не органам, а организации органов, которую называют *организмом (желающей машиной)*. Организация – стержневая структура общества индустриального – перекрывает *телу* возможность быть от-

крытым для вариативных нарративов, и организующийся в систему *организм* рассматривается в этом случае не как «жизнь», но как «темница жизни»: «Между желающими машинами и телом без органов разгорается настоящий конфликт. Любое соединение машин, любое машинное производство, любой машинный гул становятся невыносимыми для тела без органов» [3, с. 25]. В системе координат постмодернизма функционируют не «органы-осколки», обречённые индустриальным принципом на бесконечное деление на части, а несопоставимая с образом организма «целостность». Эта целостность называется Ж. Делёзом и Ф. Гваттари «процессом распределения интенсивностей» и образно характеризуется ими как «актуальная бесконечность» или «современность взрослого», которая не осуществляет заданную логику, а открывает простор для самореализации свободы.

В современной образовательной структуре на этапе перехода от индустриального к информационному обществу «современный взрослый» управляющими организациями ставится, как и три века назад, в положение послушного исполнителя, способного работать неустанно и даже сверхурочно. Преподавателю и ученику сегодня, как и вчера, показано осуществлять «скрытый учебный план» технократической цивилизации.

Фабрично-заводская структура – передовая форма не только производства, но и социального взаимодействия для индустриальной цивилизации, и даже жизненные процессы она связывала с ритмом работающих машин. Э. Тоффлер описывает представителей уходящей формации, для которых

очевидно, что «работа должна быть синхронизирована, все должны приходить на работу в одно и то же время, часы пик на транспорте неизбежны, время принятия пищи должно быть фиксированным, дети должны с раннего возраста обучаться бережному отношению к времени и пунктуальности. Они не могут понять, почему их отпрыски так досадно непостоянны в соблюдении предписаний и почему режим «с девяти – до пяти» (или другое фиксированное расписание работы) был достаточно хорош в прошлом, а сегодня его резко отвергают» [10, с. 398–399]. Современные жизненные ритмы само время делают «демассифицированным». Специализация и профессионализм подвергаются критике. Если раньше одним из основных правил профессионала было правило «Специализируйся – и будешь иметь успех», то сегодня такой мастер может оказаться «не у дел» из-за неспособности принимать необходимые, отвечающие требованиям современности нестандартные решения. Взгляд неспециалиста оказывается важным. Родители становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, им необходимо влиять на школьные решения; собственное мнение становится не менее (если не более) важным, чем профессиональное. Старые правила, которые определяли и индивидуальную жизнь, и пути принятия социальных решений, находятся в процессе преобразований и потрясений (от стандартизации к синхронизации и далее – к централизации, максимизации, специализации и концентрации). Воспитатели и родители, которые продолжают жить в соответствии с «кодовой книгой индустриальной эры», находятся в

«постоянном конфликте с детьми» [10, с. 366]. Ж. Делёз, исследуя «универсальные коммуникации», в сборнике «Переговоры» пишет о структурной трансформации социальной организации общества и сдерживающем её консерватизме уходящей формации [2]. По мысли Делёза, это период, когда воспитание будет всё меньше оставаться закрытой средой и вместе с профессиональной средой, больницей, армией и даже некоторыми формами пенитенциарной системы вскоре исчезнет в пользу «ужасного непрерывного обучения» [2]. В заданном порядке контроля (одинаково над рабочим, учеником или университетскими кадрами) в постоянно меняющемся информационном поле квалификационные нормы неустанно обновляются, а соответствие им необходимо для обеспечения желаемого социального статуса. «Нас пытаются заставить повести в реформу школы, в то время как это её ликвидация. В режиме контроля эта реформа никогда и ничем не кончается» [2, с. 223].

Прогрессивные переустройства не могут выражаться только в совершенствовании технологий и модернизациях, как прежде. Детство и юношество (подростающее поколение), остро чувствуя реальность, поскольку она является их «историческим домом», ощущают эфемерность ценностей, которые несёт в своих умах поколение, передающее свой опыт и свои смыслы [8]. В большей степени являясь приверженцами Третьей волны и в количественном, и в качественном отношениях, они всё чаще не могут принять как благо несообразность и форм, и средств, и содержания своего образования с растущей потребностью

становления «современного взрослого». Нельзя не согласиться с тем, что образование – необходимое условие развития. Но какое образование? Как утверждал Э. Дюркгейм в труде «Социология образования», мы не можем воспитывать «так, как нам хочется», мы ограничены с одной стороны традициями, а с другой – запросом будущего дня [4]. Следовательно, школам придётся уйти от тех методов обучения, которые применялись при подготовке рабочих Второй волны.

Характеристической чертой современной «исторической прерывности» становится вектор, задающий направление за пределы материального интереса как такового. Если в период феодального строя олицетворением капитала были земельные владения, в капиталистическом обществе – финансовый капитал, то в эпоху сетевого общества знание и информация составляют предельную ценность. Таким образом, академическое образование ради достижения успехов в карьере и приобретения финансового капитала (то есть основы, которая в капиталистическом обществе является точкой отсчёта возможностей) теряет мотивацию. В информационном обществе финансовый капитал переходит в категорию «декорации» и всегда возможного следствия «реального» информационного капитала (как землевладение, знаковое при феодальном строе, становится естественным следствием финансового капитала при капитализме), утверждают в статье «Нетократия: Стратовые противоречия сетевого информационного общества» А.Г. Зуев и Л.А. Мясникова. Наряду со знанием, со способностью к коммуникации (искусством коммуникации) выделяется

внимание, как одна из главных ценностных категорий, означающая умение быть способным к концентрации и принятию решения: «Метаинформация представляется в виде сведений о том, как наиболее эффективно связать разнородную информацию. Поэтому именно внимание, а не материальная выгода, не капитал становится главной движущей силой развития общества и основным мотивирующим фактором человеческой деятельности» [5, с. 6–7]. Индивидуальная значимость «определяется креативностью и способностью индивида приносить «информационную пользу», то есть производить добавленную информационную стоимость, а другой добавленной стоимости, – отмечают исследователи, – в информационном обществе не существует» [5, с. 6–7]. Академическое знание, искусство коммуникации, внимание, креативность – безусловные, но только начинающие бесконечный список качества личности, составляющие «информационный» социальный запрос.

Образом структуры информационного общества становится синергетическая «ризом», объявляющая неограниченное количество возможностей и вариаций развития любого процесса. Такой полицентричный мир, а, значит, и образование, не может быть охвачен привычным, приводящим к заданному стандарту мышлением. Всё чётче проступают контуры *новой* рациональности, где реальность не может быть контролируема в том смысле, который был провозглашён прежней наукой. Джеймс Лайтхил, президент Международного союза чистой и прикладной математики, в 1986 году сделал заявление от имени своих

коллег о том, что «в течение трёх веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 г., что этот детерминизм является ошибочной позицией» (цит. по: [9, с. 48]).

Идеи, которые стали «ошибочными» сегодня, проявили, но не могут решить проблему согласования детерминистического внешнего мира и индетерминистического внутреннего. Синергетика предлагает рассмотреть их через призму теории необратимых процессов, обладающих потенциалом возникновения принципиальных новаций, и даёт арсенал средств для анализа сложных систем. Учёные в области теории познания, такие как М. Маруяма, И. Пригожин, Э. Морен, С. Вир, Г. Лаборит, исследуют, как «работает» причинность в немеханистических системах, описывающих такие процессы, как жизнь, смерть, рост, эволюция или инволюция. В частности, И. Пригожин в своей статье «Философия нестабильности» показывает ограничения, накладываемые классической наукой, и необходимость выхода за её пределы. Он утверждает: «Принимая в науке идею нестабильности, мы достигаем тем самым и более широкого понимания существа самой науки. Мы начинаем понимать, что западная наука, в том виде, как она до недавних пор существовала, обусловлена культурным контекстом XVII в. – периода зарождения современного естествознания и что эта наука ограничена» [9, с. 47]. Наука имеет своим основанием культуру, а определяющим в культуре было классическое мышление. «... Можно сказать, что по-

нятие нестабильности было, в некоем смысле, идеологически запрещено. А дело заключается в том, что феномен нестабильности естественным образом приводит к весьма нетривиальным, серьёзным проблемам, первая из которых – проблема предсказания» [9, с. 46–47]. Непредсказуемость выходит за пределы парадигмы классической науки, где заданные условия определяют закономерный результат. В неклассической науке всё наоборот: «В ситуации, далёкой от равновесия, дифференциальные уравнения, моделирующие тот или иной природный процесс, становятся нелинейными, а нелинейное уравнение обычно имеет более чем один тип решений. Поэтому в любой момент времени может возникнуть новый тип решения, не сводимый к предыдущему <...> Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает», – рассуждает И. Пригожин [9, с. 50]. Повышается чувствительность системы к внешнему миру, что способствует расширению масштабов системы, и в числе разнообразных возможностей – возможность появления других форм организации.

М. Маруяма в статье «Вторая кибернетика...» также обращает внимание на то, что наука слишком большое внимание уделяла стабильности как таковой, и считает, что нужно более серьёзно исследовать процессы, которые не подавляют изменение, т. е. «отрицательную обратную связь», а увеличивают его – «положительную обратную связь». Оба эти процесса нуждались в равном внимании к себе, поскольку культура или биологический организм, город или международный политический порядок – исполь-

зуют как положительную обратную связь, т. е. усиление изменений, так и отрицательную обратную связь, т. е. уменьшение изменений; оба эти процесса теснейшим образом сплетены друг с другом. Через них, говорит исследователь, выступающих как дополнения друг к другу, мы начинаем различать новые уровни общности в мире, в котором живём [11].

Исследования учёных в области теории познания приводят к новому взгляду на стабильность системы. Они доказывают, что любая сложная система находится в «состоянии непрерывного изменения». Признание нестабильности – не признание собственной несостоятельности, напротив – это направление к новым исследованиям, которые учитывают особенный характер современного мира.

Идея диссипативной (лат. *dissipatio* – *рассеиваю, разрушаю*), открытой структуры И. Пригожина имела помимо своей научной значимости широкий политический и философский резонанс, приводящий к тому, что эволюция не может быть ни спланирована, ни предопределена в инструментальном понимании. Мы не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, по утверждению философа, как не можем полностью контролировать социальные процессы, хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это. «Случайное событие может инициировать глубинные изменения с неожиданными последствиями. <...> Это объясняет, почему одинаковые начальные условия могут привести к разительно непохожим результатам – идея, совершенно не свойственная

менталитету индустриальной науки, но характерная для мира с единством форм и взаимодействующих сил, мира, наполненного изменениями, увеличивающимися, уменьшающимися, другими явлениями; мира ещё незнакомого и чуждого нам», – отмечает Э. Тоффлер [10, с. 395].

Формируемый «информационным» миром образ Человека, неизвестного и непохожего на «предыдущие», в книге «Слова и вещи» провозглашает М. Фуко: «... Человек в классическую эпоху мыслился не как таковой, но как «образ» Бога, и именно потому, что его силы соединялись с силами бесконечного. В XIX столетии, напротив, силы человека сталкиваются с такими силами конечного, как жизнь, производство, язык, и образуют единую форму «Человек». И так же как эта форма не была предшествующей всем остальным, так у неё же нет оснований выжить, если силы человека вступят в отношения с иными силами: будет образована форма нового типа, ни божественная, ни человеческая» (цит. по: [2, с. 133]). Во взаимодействии с соответствующими эпистемологической природе общества силами внешнего субъект «заново создаёт» или, может быть, «заново узнаёт» себя.

Следуя ризомному символу социальной трансформации, современность дробит устоявшееся единство стандартизирующих субъекта форм и способов образования, но не на привычные части целого, а на нескончаемые диссипативные «целостности». Эти процессы – не фактор разрушения, а только сила, подводящая систему к модусу самоструктурирования, отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов в «Законах эволюции и самоорганиза-

ции»: «Диссипация на фоне нелинейных связей в среде работает подобно ножу скульптора, который постепенно, но целенаправленно (всего лишь!) отсекает всё лишнее от каменной глыбы» [6, с. 81].

Классическое образование *специализации и цеховой структуры* было авангардным для общества индустриального. Информационное пространство, задающее возможность бесконечной вариативности любого процесса, рушит титанические конструкции «образовательных стандартов». Появляется потребность в *специалистах по решению проблем*, которые способны не только следить за аспектами отдельных процессов, но, «следуя за кистью импрессиониста», могут охватить мир в целом. Новый «информационный запрос» всё настойчивее предлагает учить не «предметам», но стилям мышления и вырабатывать не навык послушного следования алгоритму, а способность «принимать решения». Запрос на возможность определять для исследования области с необходимыми или достаточными проекциями целого, с вариациями постоянных и переменных величин выводит образование за пределы и классического содержания, и классических способов его осуществления. Сегодня определение направления для развития образования требует всё больше внимания к меняющейся картине современной реальности, которая переводит будущее в прошлое со стремительно растущим ускорением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер с нем. М. Кузнецова. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Делёз Ж. Переговоры. 1972-1990 / Перевод с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 223 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2008. 400 с.
5. Зуев А.Г., Мясникова Л.А. Нетократия: Стратовые противоречия сетевого информационного общества // Свободная мысль – XXI. 2005. № 9. С. 3-19.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации. М.: Наука, 1994. 238 с.
7. Куткин В.С. Футурологические представления в трудах Э. Тоффлера и З. Бжежинского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 32–37.
8. Митякина М.Г. Представление о семье в рамках постмодернистского общества: структурно-функциональный сдвиг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 65–72.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО Фирма «Изд-во АСТ», 1999. 784 с.
11. Maruyama M. The Second Cybernetics. Deviation amplifying mutual causal processes // American Scientist. 1963. N 51. P. 164–179.

УДК 339.9:338.1;339.9:330.34

Макеев С.В., Капец В.П.*Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)***МЕЖДУ Я И МЫ: ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа влияния нарождающихся системных факторов организации нового технологического уклада в мировой экономике. Обозначен конфликт либерально-рыночной модели, основанной на приоритете «Я-стратегий» развития индустриального общества с одной стороны, и нарождающейся модели обществ с приоритетом информационных технологий в экономике и «Мы-стратегий» в общественном развитии – с другой стороны. Рассматривается проблема взаимодействия России и мира в процессе глобальной социально-экономической модернизации.

Ключевые слова: мир-системы, социоцентризм, бифуркация, информационное общество, Мы-стратегии, Я-стратегии.

S. Makeyev, V. Kapets*Adyghe State University (Maikop)***BETWEEN I AND WE: THE GENESIS OF SOCIAL DEVELOPMENT**

Abstract. The article attempts to analyze the impact of emerging systemic factors of organization of a new technological order on the world economy. The conflict is designated between liberal market model based on the primacy of “I -strategies” development of the industrial society on the one hand, and the emerging model of the society with a priority of information technologies in the economy and “We - strategies «in social development on the other hand. The authors consider the problem of cooperation between Russia and the world in the process of global socio-economic modernization.

Keywords: world-systems, socio-centeredness, bifurcation, information society, We - strategies, I - strategies.

Сегодня становится всё более очевидно, что социально-экономическая мир-система подходит к точке своей бифуркации. «Количество всегда переходит в качество, и когда человечество накапливает определённую сумму знаний, когда численность населения доходит до определённого порога, возникает фазовый переход. К чему он приведёт? Либо к катастрофическому сценарию с полным уничтожением разумной жизни на планете, либо человечество перейдёт в принципиально другое состояние, обусловленное технологиями достижения большого космоса, резкого продления жизни, создания искусственных тел-носителей и так далее», – отмечает А. Никонов [3]. При этом угадываются общие тенденции перехода от космоцентризма античности, получившего в средневековье черты теоцентризма, к антропоцентризму Нового времени, наделённого чертами либерализма. Сегодня неявно вырисовываются контуры социоцентричного обще-

ства, построенного на основе формирующихся информационных институтов.

Система при повышении уровня собственной самоорганизации начинает формализацию нового состояния по статистическим законам синергетического развития. При этом новые системные факторы вступают в противоречие с ранее формализованной системой, повышая в ней текущий уровень хаоса и расчищая поле для нового уровня самоорганизации (не нужно путать с неуклюжими попытками «управляемого хаоса»). Мы не знаем и не можем знать детали и бифуркационные точки этих процессов. Но мы можем попытаться обозначить как новые элементы, определяющие свойства будущего состояния системы, так и имеющиеся системные признаки, которые будут сохранять актуальность в формировании новой системы.

Используя данный подход, попробуем сформулировать некоторые элементы зарождающихся изменений социального мироустройства.

Одним из, безусловно, новых системных факторов, вступающих в противоречие с существующей либеральной мир-системой, является качественный рост места и роли информации в организации зарождающегося социально-экономического мироустройства. Дело в том, что сформированный институт частной собственности вступает в системное противоречие с формирующимся институтом информации. Информация в силу своей бесконечной клонируемости может без ущерба для себя принадлежать всем заинтересованным элементам социальной системы. В этом смысле информация более срод-

ни физическому полю, а частная собственность – физическому веществу. Роль информации непрерывно растёт, вытесняя институт частной собственности из системообразующих факторов в область системозависимых. Информация, являясь более результативным и менее энергозатратным продуктом, начинает формировать качественно новый технологический уклад и, подобно эпохе развития производящей экономики Нового времени, непременно повлечёт за собой целый комплекс социальных перемен, касающихся самих принципов организации общества.

Весь мир предстаёт как иерархически организованная совокупность систем, где любой объект одновременно является самостоятельной системой и элементом другой, более сложной системы. Так, каждый является продуктом самоорганизации и развития социальных систем. И здесь возникает старый вопрос соотношения концепций меризма и холизма. На языке социальных систем это соотношение *Я-стратегии* и *Мы-стратегии*. Каждая из стратегий имеет свои достоинства и недостатки. Так, *Я-стратегии* являются серьёзным фактором стимуляции собственной активности индивида и наряду с институтом частной собственности и институтом либеральных свобод становятся мощным генератором ресурсной базы общества. В то же время *Я-стратегия* разобщает ресурсную базу и приводит к противостоянию элементов системы. Кроме того, средства опережают цели и подрывают смыслы.

Мы-стратегия развития общества ещё задолго до либерализма ставила общественные интересы (признавая

их более актуальными) выше личных, но социальными скрепами тогда выступал институт религии, а не зарождающийся сейчас институт информации.

В *Мы*-стратегии благосостояние каждого зависит и определяется благосостоянием системы. И поскольку каждому индивиду нужен весь мир, это достижимо только через *Мы*-стратегию, при условии, что под *миром* понимается не столько «колыбель человечества», а космос. Здесь полезно обратить внимание на некоторые идеи «русского космизма» в сочетании с зарождающейся ресурсной базой освоения пространства.

Из имеющихся системных факторов, продолжающих усиливать влияние *Я*-стратегий, можно выделить биологические корни социальных концептов, которые существенно влияют на акцентирование индивида как элемента социальной системы. Здесь начинает работать соотношение категорий *единичное, особенное, общее*, причём с двумя различными интерпретациями в социальном поле. В первой интерпретации это *Я* (эгоизм), *Я и моё окружение* (разумный эгоизм), *Мы* (социоцентризм). Во второй интерпретации это *Я – Мы – Они*. *Они* (во второй интерпретации) – это те социальные группы, которые не участвовали в создании продукта, но претендуют на его плоды.

Актором изменения социального устройства является неустроенное большинство. Объединение земель на основе ценностей одной восьмой мира в ущерб остальным невозможно на добровольной основе. История повторяется. Так, христианство явилось масштабированием и модернизацией

идей Ветхого Завета в области социального управления, подхваченной неустроенным большинством Римской империи.

Модернизация России в контексте мирового цивилизационного процесса в силу своего положения в мире имеет свои особенности. Анализ статистических данных бюджета 2013 г., выполненный при благоприятных внешнеэкономических условиях, показывает совсем незначительный темп роста ВВП в 101,3%. В 28 субъектах Российской Федерации наблюдалось абсолютное снижение доходов. Консолидированный внешний долг России за 2013 г. вырос на 14,5%. Степень износа основных фондов, по данным Росстата, составляет более 47%, а коэффициент обновления основных фондов менее 5%. Таким образом, даже в благоприятных внешнеэкономических условиях экономический рост являлся крайне низким, что говорит о неэффективности сложившейся в стране социально-экономической модели и необходимости её системного реформирования [2]. У нас средства, полученные за счёт добывающих отраслей, уходят не на развитие страны, а массово выводятся за рубеж. Механизм возникновения такого поведения Т. Веблен описал в работе «Теория праздного класса». Россия, очень богатая своими природными ресурсами, в результате так называемых «либеральных» реформ конца XX в. стала типичным периферийным государством с господством «присваивающей экономики».

Идеологией системных социальных преобразований должна стать социально-консервативная парадигма, которая содержит в себе идеи соци-

альной справедливости, патриотизма, цивилизационной идентичности, а в экономике – соединение рынка с планом и социальной ориентацией.

Политика взаимодействия России с другими регионами и политическими системами не должна основываться на концепциях догоняющего развития, как малоэффективных вообще и в принципе неэффективных в эпоху качественных цивилизационных скачков. Выбирая текущую стратегию развития, необходимо обеспечить её корреляцию с мировым развитием в ближней и дальней перспективах. В.Э. Багдасарян справедливо отмечает: «Выбор России и состоит сегодня в том, оставаться ли ей периферийным придатком западнцентричной мир-системы, переориентироваться ли на активно выстраиваемую китайскоцентричную мир-систему, или всё-таки попытаться реализовать свой проект развития» [1]. Россия имеет собственный опыт выстраивания мир-системы с соответствующей идеологией, экономикой, и прочими инфраструктурами. Этот опыт уходит корнями в концепцию «третьего Рима», славянофильство и почвенничество – и, наконец, построение мир-системы на основе социализма. Многие мир из этой системы взял в свой арсенал развития.

Главное положительное отличие российских принципов мироустройства – в построении социальных систем на приоритете принципов *Мы-стратегии*, исторически лучше согласуемых с информационными институтами, формирующими новый тип общественного развития постиндустриального мира в постлиберальную эпоху. Мир рассмотрел в России

«не военную, а системную угрозу для Запада», отмечает Олег Одинцовский [4]. Речь идёт о ценностях надынституциональных. Важно, за что жить, и, если понадобится, – за что умирать. Россия способна приоткрыть миру дверь в постлиберальную эпоху. «Русская весна» – это пробуждение нации всемирного уровня и возвращение смыслов в её жизнь. Уже всем ясно, что никакая интеграция России с «цивилизованным миром» в нынешнем формате невозможна. Выбор таков: либо менять Россию, либо менять сам этот мир [4]. Историю делает не сила, а идея. Так было в эпоху становления мировых религий, так было в эпоху Реформации, так происходит и сейчас. Идеологией России было православие, идеологией Союза был коммунизм, и в обоих случаях *Мы-стратегии* доминировали над *Я-стратегиями* консолидации общества. С девяностых годов мы переходим к либеральным *Я-стратегиям*, и это, на наш взгляд, главная ошибка России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян В.Э. Россия выстраивала собственную мир-систему // Спецпроекты / Первый мультипортал KM.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2014/11/16/vladimir-putin/750965-vbagdasaryan-voznikshim-istoricheskim-shansom-rossiya-mozh> (дата обращения: 20.11.2014).
2. Журавлёв В. О некоторых ключевых проблемах России и подходах к их преодолению // Спецпроекты / Первый мультипортал KM.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2014/11/17/pravitelstvo-rossii/751021-o-nekotorykh-klyuchevykh-problemakh-rossii-i-podk> (дата обращения: 24.11.2014).

3. Никонов А. Человечество подходит к точке бифуркации // В кругу друзей / Блоги [Электронный ресурс]. URL: http://18361882.vkrugudruzei.ru/x/blog/post/chelovechestvo_podhodit_k_tochke_bifurkacii (дата обращения: 20.11.2014).
4. Одинцовский О. Русская весна будит мир // Свободная Пресса-Юг [Электронный ресурс]. URL: <http://yug.svpressa.ru/blogs/article/87379/> (дата обращения: 20.11.2014).

УДК 37.013

Олейник Ю.П.*Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования***ИГРОФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития образования в ракурсе основных подходов к исследованию сетевого общества. Опираясь на характерные черты и особенности сетевого общества, выделяемые различными исследователями, автор раскрывает влияние расширяющихся возможностей человеческой коммуникации на организацию образования. В качестве организующей формы для очного и дистанционного образования автор предлагает игрофикацию как процесс использования игровых оболочек, объединяющих реальную и виртуальную деятельность человека.

Ключевые слова: сетевое общество, образование, игра, игрофикация.

Yu. Oleynik*St-Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education***THE GAMIFICATION OF EDUCATION IN THE NETWORK SOCIETY**

Abstract. The article deals with global trends of education development and describes them according to the main approaches to the study of the network society. Based on the characteristics and peculiarities of the network society the author reveals the impact of expanding powers of human communication on education. It is concluded that gamification as a process that combines real and virtual human activities is an effective form for organizing both full-time and distance education.

Key words: network society, education, game, gamification.

Своеобразие современного образования и перспективы его развития чаще всего рассматриваются в совокупности с многообразными сетевыми эффектами, возникающими на основании расширяющихся возможностей в структуре человеческой коммуникации. Вопросы формирующейся сетевой среды человека исследуют учёные различных областей знания: философии, экономики, социологии, математики и др.

А.В. Назарчук выделяет три основных подхода к изучению сетевых эффектов в структуре развивающейся коммуникации: методологический подход сетевого анализа (Дж. Хоманс, М. Грановеттер), медийный подход (М. Маклюэн, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, П. Бурдьё) и социолого-экономический (М. Кастельс). В рамках исследовательской перспективы каждого из трёх подходов учёный обозначает характерные черты такого общества: множественность сообществ с неустойчивыми, слабыми связями; преобладание в сознании человека виртуальной реальности; интеллектуализация и индивидуализация экономической жизни; глобализация коммуникации и др. [2]. Особняком стоит концепция «социаль-

ного суперорганизма», выдвинутая известным специалистом по коллективному интеллекту Ф. Хейлигеном, в которой общество рассматривается как живая система; каждый человек ассоциируется с нейроном, а сетевые связи – с нейронными [5]. Внешним каркасом для сетевой системы общества в обозначенных подходах является Интернет, сетевые же компьютерные коммуникации являются инфраструктурой для развития коллективного интеллекта. Главным достоинством сетевого общества известный социолог М. Кастельс называет и способность к саморазвитию [1, с. 43]. Интернет является пространством информационных потоков, связывающим некоторые узлы посредством сети. Узлы между собой равнозначны, и потеря или возникновение каких-либо узлов принципиально не влияет на существование и, следовательно, на способность к продолжению развития самой сети.

Выделяя черты и особенности сетевого общества, учёные обращаются и к его проблемам, и к возникающим противоречиям. Так, М. Кастельс обращает внимание на ряд неудовлетворённых требований, которые, с одной стороны, тормозят развитие общества и отражают его некоторое сопротивление, а с другой – являются сферами переформатирования социальной структуры. Таким требованием и противоречием является свобода. С одной стороны, Интернет открывает границы коммуникаций, а с другой, возможность получения контроля над свободой других человеком, владеющим инфраструктурой сетей, ставит под угрозу, в частности, свободу коммуникации. Противоречием является

и стремление людей к созданию искусственного интеллекта, превосходящего человека по скорости мышления, способностям к тем или иным операциям и ряду других параметров, и одновременно опасение технологических монстров, вышедших из-под контроля человека. Неудовлетворённым остаётся и требование к современному образованию, а именно к развитию у ребёнка специальных интеллектуальных способностей к обучению в течение всей жизни, к нахождению, использованию, обработке цифровой информации и производства на её основе необходимых для той или иной цели знаний. М. Кастельс подчёркивает, что для этого необходимая новая педагогика, базирующаяся на интерактивности и развитии независимых способностей к обучению и мышлению, а также способствующая воспитанию характера [1, с. 315–319].

Ответом на противоречие, обозначенное М. Кастельсом в 2001 г., стал всплеск развития онлайн-образования. Стартовало онлайн-образование с простых дистанционных форм, являющихся прямыми аналогами традиционных заочных курсов. Их развитие шло параллельно с распространением новых форм передачи информации и получения обратной связи. Процесс шёл не только в неформальном секторе, но и в формальном. С 2008 года по настоящее время появляется большое количество образовательных платформ, предлагающих MOOC (Massive Open Online Course) не только в форме самообразования, но и курсов, после которых слушатель может пройти сертификацию в одном из вузов. Одним из показателей сопротивления и неэффективности такой формы на данном

этапе является большое количество людей, которые не доходят до конца обучения на подобных курсах или не проходят заключительных испытаний. По данным исследований Британского открытого университета, в среднем завершают обучение на курсе 40% записавшихся, причём у большинства курсов процент успешных учащихся не более 13% [6]. Попыткой решения этой проблемы стало создание SOOC – селективных онлайн-курсов. Особенности селективных курсов, во-первых, состоят в том, что для поступления требуется пройти некоторый отбор по различным критериям, а во-вторых, они платные для учащихся. Исследований по результативности SOOC на данный момент нет, но ясно, что в такой системе практически нет отличий от очной системы формального образования. Отметим, что и в случае открытых, и в случае селективных курсов уровень успешности зависит от мотивации и самоорганизации людей, планирующих учиться. В среднем на каждый открытый курс записывается около 20 000 человек, поэтому вопрос о вовлечении в открытое образование остро не стоит, проблема – в удержании уже заявившихся [7].

Рассматривая те же тенденции развития общества, Д. Тапскотт называет грядущее и нынешнее время эпохой сетевого интеллекта, справедливо отмечая, что важным аспектом становится объединение в сеть человеческого интеллекта [3]. Перераспределение расстояний, порядок возникновения и поддержания слабых и сильных связей в сети устанавливают новые принципы построения взаимоотношений в сетевом обществе. Принципами такой сети являются массовое сотрудниче-

ство (*mass cooperation*) и производство на равных (*peer production*): всё большее количество продуктов производится посредством объединения усилий огромного количества людей, и всё чаще эти люди не являются сотрудниками какой-либо одной корпорации, а участвуют в проектах в качестве свободных специалистов. Такими продуктами являются не только программные коды или онлайн-энциклопедии, есть примеры сложных коллаборативных проектов, связанных с анализом генома человека или проектированием самолёта; сетевая структура прослеживается и в сфере услуг, и в сельском хозяйстве. *Краудсорсинговые технологии* – технологии привлечения к решению вопроса большого количества людей – становятся важным элементом организации результативной деятельности. Известно, что в неорганизованном состоянии группа может уступать по интеллектуальным способностям даже индивиду. Только учёт возможностей каждого участника коллектива позволяет результативно и эффективно использовать интеллектуальные способности в группе.

Таким образом, процесс целенаправленного получения какого-либо интеллектуального продукта в сетевом обществе логично разбивается на два этапа: этап развития человеческих способностей в том русле, о котором говорит М. Кастельс, и этап конструктивного объединения самоорганизующихся участников в процессе междетового взаимодействия. Для того чтобы добиться такого эффекта, то есть для выстраивания широкой горизонтальной сети коллективного интеллекта и способностей, работающей в заданном направлении, необходима прежде всего

мотивация и самоорганизация каждого участника. Так как речь идёт о больших массах самообучающихся и взаимодействующих людей разных возрастов, жизненного опыта, менталитета и т. д., то возникает вопрос о некоторой универсальности мотивирующего и организующего инструмента.

Таким универсальным средством, на наш взгляд, является *игра*. Игра представляет собой сложный феномен, который присутствует во всех культурах, на всех этапах жизни человечества и каждого отдельного человека. К настоящему времени в науке, философии, педагогике накоплен огромный материал, который демонстрирует полисемантичность, многомерность, полифункциональность игры, не укладывающейся в рамки какой-либо одной теории. В наибольшей мере игра исследована в философии, психологии, этнографии, культурологии, педагогике. История игры как педагогического инструмента достаточно длительная и уходит корнями в античность. Современных исследований, касающихся образовательного и развивающего потенциала игровых форматов также достаточно много. С развитием средств коммуникаций стала изменяться и сама игра. В электронно-цифровую эпоху игра естественным образом возникает и в виртуальной среде, сначала как форма досуга, затем как элемент тренировки отдельных операций мышления или как развитие отдельных умений и навыков. В 2010 г. широко распространяется явление, объединяющее игровой оболочкой реальную и виртуальную деятельность человека, получившее название «игрофикация». Под *игрофикацией* понимается использование игровых механик

и игрового мышления для решения неигровых проблем, для вовлечения и удержания людей в каком-либо процессе. Важным аспектом игрофикации является не разработка игры ради игры, а достижение целей, напрямую с игрой не связанных, например, овладение новыми компетенциями, вовлечение в выполнение рутинных дел, повышение активности, увеличение производительности труда и др. Особенно полезной и часто используемой игрофикация является в таких областях, где трудно справиться одному посредством только силы воли: соблюдение диеты, занятие спортом, отказ от курения, поддержка корпоративной культуры, обучение и проч.

Игрофикация – это не игра и не набор игр, а общая игровая оболочка целенаправленного процесса. Результатом и целью внедрения такой игровой оболочки в жизнь является не просто повышение мотивации людей, а изменение системного поведения человека, группы людей, некой части или общества в целом. Сегодня виртуальные игры могут быть многопользовательскими, включать созданное самими пользователями содержание, использовать дополненную реальность. Игры стали неотъемлемой частью не только детской, подростковой и молодёжной культуры. Виртуально-реальные игровые оболочки используются во многих сферах жизни человека: здоровье, образование, работа, досуг и др.

Игрофикация становится и естественной формой организации образовательной деятельности современного человека. Уже активно развиваются образовательные платформы, использующие игровые оболочки как вовлекающий и мотивирующий инструмент

для учащихся; появляются школы, встраивающие весь процесс обучения в сетевую игру. Это не является упрощением самого обучения, но становится формой лёгкой и привычной для современного человека.

Другим направлением применения игрофикации в качестве организующего формата становится её использование в воспитательных и социализирующих процессах. Процесс создания интеллектуального продукта большими гибкими сообществами может эффективно проходить только при наличии у взаимодействующих людей умения сотрудничать и работать в команде. Констатировать дефицит таких компетенций и потребность в овладении ими можно по нарастающей волне специального командного обучения у новых сотрудников больших корпораций. При развитии массового сотрудничества, ярко описанного Д. Тапскоттом в «Викиномике» [4], и переструктуризации системы производства задача обучения командной работе спускается на более раннюю стадию образования – школьную. Эта непростая задача осложняется ещё и особенностями подросткового возраста, мешающими ребятам конструктивно взаимодействовать со сверстниками, не обращая внимания на личные симпатии и антипатии. Игрофикация как организующий инструмент помогает педагогу вовлечь подростка в процесс самовоспитания и самоорганизации и поддерживать его мотивацию не только «высшими» и далёкими перспективами, но и конкретными маленькими игровыми задачами, и постоянной обратной связью. Обратная связь представляется и в виде простых игровых механик, часто используемых

как в мобильных приложениях, так и в сетевых играх (шкала прогресса, баллы, бейджи, уровни достижений, рейтинговые таблицы), и в виде более сложных механик, встречающихся в социальных сетях и многопользовательских играх (взаимное поощрение, неожиданные игровые встречи, проявляющиеся взаимосвязи событий и др.). Связь реальных действий и виртуальных событий позволяет задействовать все актуальные для современного человека сферы активности для концентрации его усилий в достижении цели.

Использование игрофикации как способа организации обучения и сотрудничества может стать ключевым инструментом педагогов как в условиях дистанционного образования, так и в условиях традиционного очного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У – Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
2. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 40–53.
3. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. Киев: INT Пресс; Москва: Рефл-бук, 1999. 403 с.
4. Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика: как массовое сотрудничество изменяет всё / Пер. с англ. П. Миронова. М.: Сбербанк и др., 2011. 459 с.
5. Хейлиген Ф. Мировой суперорганизм: возникновение сетевого общества //

- Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 78–100.
6. Jordan K. Researching Education and Technology. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katyjordan.com/MOOCproject.html> (дата обращения: 14.09.2014).
7. StudyMOOC.org. [Сайт, посвящённый открытым онлайн курсам]. [Электронный ресурс]. URL: <http://studymooc.org/about-mooc/istoriya-mooc/> (дата обращения: 14.04.2014).

УДК 316.77

Тригубенко Л.Е.*Академия Федеральной службы безопасности России (г. Москва)***СИМУЛЯКРЫ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие симулякра в конструировании социально-коммуникативной среды современной коммуникации. Автор анализирует конкретные рекламные образы, которые носят симуляционный характер, исследует разные подходы к пониманию *симулякров* и дефиниции данного понятия, предложенные философами и культурологами. На основе проведённого анализа автор приходит к выводу о возрастающей роли виртуальной реальности, которая раскрывает роль симулякров в формировании духовных ценностей и жизненного мира человека.

Ключевые слова: симулякры, информационно-коммуникативные технологии, проблемное поле, социально-коммуникативная среда, рекламная коммуникация.

L. Trigubenko*Academy of the Federal Security Service of Russia (Moscow)***SIMULACRA IN THE PROBLEM FIELD OF ADVERTISING COMMUNICATION**

Abstract. This article considers the concept of a simulacrum in designing social and communicative environment of modern communication. The author analyzes some images possessing simulacrum character and investigates different approaches to simulacra and their philosophical and cultural definitions. On the basis of the carried-out analysis, it is concluded that the role of virtual reality increases and simulacra play an important part in the formation of cultural values and the world outlook of a human.

Keywords: simulacra, information and communicative technologies, problem field, social and communicative environment, advertising communication.

Симулякры в последние годы стали главной частью современного социума в коммуникативной среде. Используя образы, которые создаются информационно-коммуникативными технологиями конца XX – начала XXI вв., симулякры образуют определённую область мотивации в ценностном сознании человека постиндустриального общества. В современной социально-коммуникативной сфере происходит виртуализация жизненного пространства социума, которая, в свою очередь, ускоряет формирование негативных явлений, таких как оккультизм, социальное одиночество, наркомания, аномия и других форм отклоняющегося поведения. В условиях глобализации происходит распространение различного рода симулякров в массовом сознании, что приводит к изменению менталитета социума; растёт недоверие к рекламным и прочим кампаниям информационно-коммуникативного характера, заявлениям представителей муниципальных и федеральных властей, к СМИ в целом. В этой связи необходимо

выделить основные моменты, которые показывают усиливающуюся роль симулякров в социально-коммуникативной среде современной цивилизации: во-первых, происходит увеличение роли и места интернета как глобальной сети, которая обеспечивает информацией целевые группы и общественность, а также индивидуальных пользователей; во-вторых, игровой феномен усиливает влияние на установки и мотивацию поведения определённой части населения. Предметом изучения философии, социологии, культурологии, теории социальной коммуникации, имиджеологии, информационных технологий, политологии и других областей научного знания является проблема изучения симулякра и механизмов его воздействия на все стороны жизни общества.

Термин «симулякр» на протяжении столетий был достаточно нейтрален. Это понятие, которое было генетически связано с теорией мимесиса в классической эстетике, означало подобие действительности как результат подражания ей самой, как слабый синоним определённого художественного образа. В различных источниках термин трактуется по-разному, поэтому нет точной дефиниции данному понятию.

Например, Новейший философский словарь трактует термин таким образом: *симулякр* (фр. *simulacres*, от *simulation* – *симуляция*) – термин философии постмодернизма, в онтологической проекции фиксирующий способ осуществления событийности, реализующийся в акте семиозиса и не имеющий иной формы бытия, помимо перцептивно-символической; в гносеологической проекции применя-

ется для обозначения внепонятийного средства фиксации трансгрессивного опыта. В зарубежных и отечественных исследованиях считается, что «симулякр» генетически восходит к термину «симулякром», обозначавшему у Платона «копию копии» [3, с. 550]. Однако неустойчивость терминологии Платона [5, с. 323] «делает чрезвычайно трудной проблему адекватного изложения платоновского учения» [6, с. 496], что явно прослеживается в его *Диалогах*. Мы, опираясь на платоновское понятие «симуляция» и древнегреческое «симулакрум», в своём исследовании обращаемся к взглядам Платона, представленным в контексте теории мимесиса.

Как отмечает А.Ф. Лосев, Платон «подытожил и обобщил вековые поиски в этой области своих предшественников и с их помощью сформулировал ряд общих эстетических принципов, связанных с идеями гармонии, меры, катарсиса, мимесиса» [5, т. VIII, кн. I, с. 347].

Ж. Делёз сделал попытки определить *симулякр* по-своему. Французского культуролога интересовала не столько сфера применения симулякра, сколько сама сущность понятия, момент становления симулякра. Особенности, характерные для симулякров, согласно Делёзу, плодят расходящиеся серии смыслов [4, с. 359].

Делёз показал значение симулякра для культуры, которое заключается в том, что он порождает гиперреальность, «открывая перед философией и искусством новые возможности» [4, с. 56].

Ж. Делёз обращает внимание на тот факт, что симулякр – не просто явление, которое находится в стороне от человека, – напротив, симулякр

вмешивается в происходящие события, и человек не может остаться безучастным к происходящему, потому что при осознании и восприятии симулякра, человек «становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний» [4, с. 336]. По мнению многих исследователей, эта тенденция обостряется в современную эпоху. Таким образом, симулякр оказывает колоссальное влияние на развитие идей и создаёт новую, изменённую социальную реальность, новое коммуникативное пространство, которое наполняется другими смыслами, ценностными установками.

Глобальный финансовый кризис и связанные с ним события показали, какую роль (положительную и отрицательную) играют симулякры в рекламной и других направлениях информационно-коммуникативной деятельности.

Ж. Бодрийяр в своих трудах говорит о том, что симуляция на современном этапе развития цивилизационного общества проявляется в виде стратегий реального, нереального и гиперреального, является всеобщим заменителем стратегии сдерживания. Он говорит о том, что действительность перестаёт быть тем, чем она была; вырастают мифы происхождения и образа реальности; разрастается количество «поддержанных истин», «поношенной объективности», ложной подлинности; фигуративное замещает исчезнувшие объект и содержание.

Гиперреальность и симулякр – это феномены симуляции действительности, своего рода мифы, которые генерируются в основном массмедийными технологиями.

Данные явления распространяют своё влияние на все области социальной реальности. К числу симулятивных технологий можно отнести в определённом плане всякого рода рейтинги политических лидеров, партий и движений, которые преподносятся как социологические опросы общественного мнения. Именно в них происходит нередко подмена реальных процессов каким-либо «знаком» или «текстом-призраком» с целью создания условий, при которых иерархия ценностей будет зависеть для большинства населения, условно говоря, от порядка подачи телевизионных новостей и величины газетного заголовка. В этом плане оценка Иракской кампании Ж. Бодрийяром [2, с. 33–36] в качестве «войны, которой не было», «мёртвой войны» представляет для нас интерес. Логика происходящих событий, по мнению Ж. Бодрийяра, не является ни логикой войны, ни логикой мира; это некая «виртуальная невероятность» военных действий. Таким образом, данное событие является первой войной в истории, где виртуальное торжествует над реальным.

События этой «виртуальной войны» были сконструированы СМИ, как и в случае «войны в Заливе», когда за виртуальным шоу наступили настоящие последствия – двухсторонний политический и энергетический кризис со всеми вытекающими последствиями.

Этот же самый процесс мы можем наблюдать с декабря 2013 г. на Украине.

Таким образом, люди путём культурного преобразования мира стремились создать картину повседневности, т. е. той реальности, в которой осуществляется их жизнь. На основе отражения этой реальности создава-

лись и образы, в том числе рекламные, воображаемой, желаемой, часто – симулятивной реальности, т. е. новый вторичный мир, который живёт по своим законам и правилам. Образы вторичного мира, как правило, являются типичными для мира виртуального, а сам вторичный мир есть только подобие реального мира.

Эти два мира неотъемлемо существуют друг в друге и параллельно друг с другом, но существует и граница, разделяющая оба мира. Эта граница, как правило, однако, становится невидимой. Именно в этот момент, по нашему предположению, образуется расширенная реальность, возникает пересечение реальностей.

Процессы симуляции приводят к усложнению существующей образной системы мира. Реклама, по нашему мнению, располагается на границе двух миров — реального и симуляционного, силой своей эмоциональной привлекательности создающего мифологизированные образы того, что так желаемо, но недостижимо. Формирование системы образов желаемого средствами рекламы и другими персуазивными технологиями происходило на всех этапах развития цивилизации параллельно с изменениями окружающей человека среды. При появлении новых способов связи с действительностью типичные образы и ситуации меняются, принимают новые положения, трактовка которых однозначно невозможна. Одной из форм данного своеобразного отражения действительности и становится образ – симулякр, несущий дополнительную информационно-коммуникативную и эмоциональную нагрузку, расшифровка (понимание) содержания кото-

рой затруднено, в силу того, насколько широко поле значений симулякра и насколько оторвано от объекта действительности, поэтому постичь его до конца невозможно [1, с. 178]. По мнению Барта, симулякр находится в области *карнавального*. С развитием аудио-визуальных средств массовой коммуникации для современной коммуникативной среды характерной, очевидно, становится своего рода театрализация (зрелищность) происходящего. Все культурные и социальные явления используют зрелищный, красочный, напускной характер, который усиливается влиянием шоу-бизнеса. Однако за внешним блеском экранного зрелища, за его красочностью скрываются тяжёлые моменты для восприятия: двойничество, т. е. дублирование всего, что скрывается за привычными образами жизни людей.

Чем больше места в коммуникативной среде современной цивилизации будет занимать виртуальная реальность, тем в большей степени будет раскрываться отрицательная роль симулякров, которые формируют духовные ценности и жизненный мир человека. Всё более погружаясь в мир вымышленных коммуникативных ситуаций, моделируемых технологическими возможностями компьютеров, человек в большей мере будет зависеть от них, будет чувствовать себя героем компьютерных игр, т. е. субъектом несуществующих в реальности процессов. Поэтому возникает проблема виртуальной личности, существующей в анонимной форме (используются никнеймы, логины, аватары, образы героев компьютерных игр), проживающей жизнь не в реальном мире, а в мире вымышленном.

Таким образом, в силу полной своей оторванности от действительности, симулякр ничем не ограничен в возможностях бесконечного существования и создания любых самых ярких образов. По степени эмоционального воздействия он может нести максимальную нагрузку. Именно данная характеристика симулякра делает его привлекательным для использования в рекламных технологиях, политических коммуникациях, манипулятивных практиках, идеологических программах.

В социально-коммуникативной среде современной цивилизации всё более значительное место занимает виртуальная реальность. Таким образом, в большей степени раскрывается отрицательная роль симулякров в формировании жизненного мира и духовных ценностей общества. Человек становится зависимым от вымышленных коммуникативных ситуаций, рекламных образов, которые модели-

руются современными информационно-коммуникативными технологиями, носящими симулятивный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Третий смысл: Исследовательские заметки о нескольких фотограммах С.М. Эйзенштейна // *Строение фильма: сб. статей*. М.: Радуга, 1984. 178 с.
2. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // *Художественный журнал*. – М., 1994. – №3. – С. 33-36.
3. Грицанов А.А. Симулякр // *Новейший философский словарь. Постмодернизм* / Сост. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 550 с.
4. Делёз Ж. *Логика Смысла*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 336 с.
5. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Высокая классика*. М.: Искусство, 1974. 347 с.
6. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983. 496 с.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)(470)

Вавилин В.В.

*Военно-технический университет Министерства обороны Российской Федерации
(ВТУ) (г. Балашиха)*

С.Н. БУЛГАКОВ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются общие контуры видения С.Н. Булгаковым процесса социализации личности как основы социального обновления и реконструируются три основных направления: социализация *перед лицом Бога*, социализация *перед лицом Мира*, социализация человека *перед самим собой*. Социализацию мыслитель понимал широко – как множество необходимых для нормальной жизнедеятельности аспектов, где «правовое и социальное долженствование» рассматривалось как квинтэссенция всего процесса. Основу социального обновления личности он видел в гармонизации трёх способов социализации и достижении высокого уровня религиозно-этического и социально-правового долженствования в душе человека.

Ключевые слова: социализация, личность, синергия, долженствование, софиология.

V. Vavilin

*Military Technical University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
(Balashikha)*

SERGEY BULGAKOV'S VIEW OF INDIVIDUAL SOCIALIZATION AS A BASIS OF SOCIAL RENOVATION

Abstract. This article focuses on Sergey Bulgakov's view of individual socialization as a basis of social renovation through three main scenarios: socialization before God, before the World and before oneself. The philosopher treated socialization in broad terms, i.e. as a multitude of aspects indispensable for a normal life where "legal and social necessity" is considered a quintessence of the whole process of socialization. He considered social renovation of personality as based on the harmony of three ways of socialization and reaching a high level of religious, ethic, social and legal obligation in a human soul.

Key words: socialization, personality, synergy, obligation, sophiology.

Основной идеей метафизических исканий С.Н. Булгакова являлось прежде всего осмысление социальной природы человека, поиск основных путей социализации и обновления личности. Следует отметить, что всё философское творчество мыслителя было «погружено» в социальную проблематику. У него не было специального исследования, посвящённого исключительно проблеме социализации человека, но, в то же время, у него нет работ, где бы этот вопрос, в той или иной степени, не исследовался.

В данной статье реконструируются общие контуры видения С.Н. Булгаковым процесса социализации личности как основы социального обновления. Под *социализацией* философ понимал «правовое и социальное долженствование», те идеальные нормы, «которых в реальной действительности нет, но которые должны быть и во имя своего объективного долженствования отрицают действующее право и существующий социальный уклад жизни» [2, с. 225]. Социализация воспринималась как социальное действие, непрерывный процесс самосовершенствования человека, преодоления сущего в достижении должного, преимущественно духовных (религиозных) и светских ценностей. Социализацию мыслитель понимал предельно широко – как множество необходимых для нормальной жизнедеятельности аспектов, где «правовое и социальное долженствование» рассматривалось как квинтэссенция всего процесса.

Философский анализ социализации у С.Н. Булгакова опирался как на научные аргументы, так и на «истинны метафизические и религиозные». Структурно он представлял пробле-

му в виде трёх взаимосвязанных направлений: социализация перед лицом Бога, социализация перед лицом Мира, социализация перед самим Собой. Абсолютизация любого направления в отрыве от других была обречена на неудачу. Социализация перед лицом Бога неизбежно превращала человека в религиозного фанатика; замыкание в социализации перед лицом Мира формировало тип человека-мещанина, преклоняющегося перед материальным благополучием и здравым смыслом. Направленность социализации вовнутрь себя утверждала в человеке неограниченный эгоизм.

Степень социализации личности, по С.Н. Булгакову, зависит, во-первых, от глубины постижения перечисленных способов и степени их гармонизации в душе и практике человека; во-вторых, от признания социализации личности перед лицом Бога стержневым, определяющим направлением.

Этико-религиозный способ социализации личности рассматривался как определяющий. Он состоял в непрерывном и ответственном общении человека с Абсолютом, в воплощении истинных ценностей духовной жизни. Христианство мыслилось как универсальная истина, охватывающая все области социальной деятельности. Источником (причиной) существования такого способа, по мнению С.Н. Булгакова, являлась изначальная *богочеловечность* человека, его двуединая природность, сочетавшая в себе тварное и небесное начала.

При метафизическом осмыслении данного способа социализации философ опирался на свою «софиологическую систему», посредством которой

стремился «перевести богословские определения в сферу софиологической метафизики» [9, с. 474]. Центральной проблемой софиологии является вопрос об отношении Бога и Мира, или, что по существу является тем же самым, Бога и человека. *Софиология* – это учение о силе и значении Богочеловечества как единства Бога со всем сотворённым миром в человеке и для человека. *София* есть душа мира и его первообраз (собрание идей, «божественных замыслов», отвечающих каждой из вещей и явлений мира). Между человечеством (человеком) и Софией существует неразрывное живое общение. Мир идей, содержащихся в Софии, есть норма, предельное задание, закон жизни для всего существующего в тварном мире. Метафизическая иерархия устройства мира видится философу следующим образом: природа находит себя (познаётся) в человеке, человек находит себя в Софии и через неё воспринимает и отражает в природу умные лучи божественного Логоса.

В.В. Зеньковский описывает, как развивалась «софиологическая метафизика» С.Н. Булгакова: «... в «Агнце Божиим» София совпадает с «сущностью» в Боге, т. е. является, как говорят богословы, «неипостасным» началом (и именно поэтому присуща всем Лицам Св. Троицы). В «Утешителе» же проводится идея «диадического» (двойственного) самооткровения Отца, что и есть софийность по существу (по «Утешителю»); это значит, что начало софийности, хотя бы и частично, связано здесь уже с ипостасным Божественным бытием («и именно с Сыном и Св. Духом»))» [9, с. 474].

Признавая невозможность постижения человеческим разумом сущности Абсолюта, С.Н. Булгаков допускает возможность постижения религиозных норм через анализ проявления ипостасного Божественного бытия. Основными метафизическими компонентами социализации перед лицом Бога, по его утверждению, были: а) проблема божественной Софии (Софии, обращённой к Богу); б) проблема Софии тварной, оправдание тварного мира и утверждение ценности его бытия; в) антиномии философско-религиозного сознания (трансцендентность божественной сущности и имманентность энергии нетварного света); г) проблема энергийности, позволяющая понять «механизм» воздействия нетварного света как на природу человека, так и на человечество в целом; д) проблема Софии как четвёртой ипостаси [8, с. 17–19].

Необходимо отметить, что посредством разработки софиологической метафизики С.Н. Булгаков стремился установить непрерывную иерархию сущностей от Бога до человека и через это преодолеть разрыв между миром небесным и миром земным. Речь идёт об идее Богочеловечества, восходящей к христианскому представлению о единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа. Задача религиозно-духовной социализации человека состоит в подчинении природного божественному посредством преодоления в себе эгоистической самости. Сам по себе человек ничтожен и грешен. Стать человеком он может лишь через осознание себя частью универсальной личности. Только в Боге человеку открываются всеедин-

ство, абсолютная полнота бытия.¹ Для С.Н. Булгакова человек изначально богочеловечен как потенциальная форма истинного богочеловечества, которую он сам осуществить не в силах. *Богочеловечество* – это единство и совершенное согласие божественной и тварной Софии, Бога и твари в ипостаси Логоса [3; 4; 5; 6].

Важным социальным институтом, способным провести этико-религиозную социализацию личности, С.Н. Булгаков считал православие, где церковь является сообществом верных единомышленников, а София, Премудрость Божия – душа, идеальный прообраз будущего преображенного человечества. Необходимо отметить эволюцию воззрений философа на задачи, стоящие перед церковью. Так, например, в работе «Неотложная задача» он критиковал церковь за асоциальность, а в работе «Христианство и социальный вопрос» обосновывал необходимость подлинной христианской асоциальности. Асоциальность христианства виделась в работе только с душами человеческими, в подготов-

ке их к Царству Небесному. В качестве основных методов приобщения личности к ценностному содержанию данного уровня рассматривались исповедь и причастие.

Второй способ социализации личности перед лицом Мира представлялся С.Н. Булгакову конкретизацией религиозных истин в процессе социального взаимодействия. Человечество не может ни спастись, ни преобразовать себя и мир только своими силами, без постоянной социальной реализации глубинных религиозных ценностей. Цель данного способа состояла в формировании социальных идеалов личности. Содержанием являлось воплощение в жизнь социокультурных ценностей, сформированных в православной традиции. Источником (причиной) существования данного направления следует считать чувство свободы как неотъемлемую часть человека. Чувство свободы, отмечал мыслитель, «неустранимо из нашего сознания, каково бы ни было наше метафизическое объяснение этого факта» [2, с. 244]. Вне свободы не было бы критики социальных норм и социальных институтов, что неизбежно привело бы к остановке общественной жизни. Свобода дана человеку не для «брюзжания» по поводу несовершенства социальной жизни, а во имя «идеального долженствования». «Существующему, исторически сложившемуся и потому неизбежно несовершенному жизненному укладу, – замечал философ, – противопоставляется идеальный, нормальный строй человеческих отношений, и это представление об идеальном даёт критерии добра и зла для оценки – правовой конкретной действительности» [2, с. 225].

Философское осмысление данного

¹ Идея богочеловечества активно разрабатывалась в русской религиозной философии XIX–XX вв. Так, В.С. Соловьев писал об Абсолютно-сущем и Абсолютно-становящемся (см.: Соловьев В.С. Чтение о Богочеловечестве // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989); Е.Н. Трубецкой видел в богочеловечестве способ преодоления грехопадения человека и восстановления полноты бытия (см.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994). Для Н.А. Бердяева идея богочеловечества была неразрывно связана с творчеством (см.: Бердяев Н.А. Проблема человека. (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50). Л.П. Карсавин видел в богочеловечестве способ становления всеединой симфонической личности, усвоившей Божественность как свой субстрат (см.: Карсавин Л.П. О личности // Религиозно-философские сочинения. М., 1992; Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. 1993 и др.).

способа социализации С.Н. Булгаков осуществлял в рамках концепции христианского социализма, объединявшей социальную модель экономики и традиционную христианскую этику. Мыслитель был уверен, что обязанность каждого христианина «быть сыном своего времени», и что «только религиозная общественность спасёт Россию». Христианский социализм С.Н. Булгаков определял как «социализм во имя Богочеловечества», в отличие от марксизма как «социализма во имя религии человекобожества» [7, с. 3].

В работе «Два града» (1911 г.) философ говорит о двух путях развития человечества, о взаимоисключающих друг друга религиях – богочеловечестве (т. е. христианстве) и человекобожестве, где каждая строит свой град. Христианский социализм придавал религиозную значимость безликим социально-политическим структурам посредством христианской этики. Основными нормами христианской этики являлись, во-первых, признание того, что свобода есть в первую очередь свобода мировоззрения, вероисповедания, свобода печати, собраний, передвижения (границей свободы человека является свобода других людей, ориентация на максимальную свободу самовыражения при твёрдом соблюдении внешнего порядка), во-вторых, социальное измерение, основанное на организационной заботе и поддержке слабых членов общества, христианская заповедь «стать на сторону труда».

Важными социальными институтами этого уровня социализации С.Н. Булгаков считал государство, науку. Воспитательная роль государства виделась мыслителю в регулировании социальных процессов общества. Со-

циальные преобразования он связывал не с революцией, а с проведением социальных реформ: «Приходя к жизни с определёнными требованиями и находя в ней рознь интересов и стремлений, которая от моей воли не зависит и потому должна быть мною принята как факт, я необходимо должен занять в ней ясную и недвусмысленную позицию, присоединившись к какому-либо из существующих течений или взяв своё собственное направление. Следовательно, всякая форма активного участия в жизни фатально, помимо нашей воли, втягивает нас в борьбу, что жизнь есть борьба и истина в ней не только соединяет, но и разделяет. Светлые праздничные ризы может сохранить только тот, кто уходит от жизни, а каждый жизнедеятельный человек надевает рабочий фартук или боевой мундир, чтобы работать для своей правды или бороться за неё» [2, с. 270–271].

К социальному институту этого способа относилась и социальная наука, которую С.Н. Булгаков называл «социальной медициной» или «прикладной этикой». Задачу социальной науки как социального института мыслитель видел в установлении и причинном объяснении действительности, представляющей арену нравственной деятельности. Источник социальной науки обосновывается её софийностью, в ней София «овладевает миром». Социальная наука не способна открыть законы общественного развития, в лучшем случае речь может идти лишь о неких тенденциях, учитывающих «итог действий», поэтому её возможности по социальному показателю сильно ограничены и малопр-

дуктивны.¹ Причина в том, утверждал философ, что социальной науке доступна только статистика, но не сама динамика общества.

Третий способ социализации личности перед самым собой представлялся С.Н. Булгакову как конкретизация религиозных истин в процессе утверждения абсолютного достоинства личности, этической равноценности всех людей. Человек для человека должен представлять собой абсолютную ценность, микрокосмос. Цель способа – в открытии софийности в себе и мире, поиске «абсолютного в относительном и относительного в абсолютном». Так преодолевается атрофия «чувств социальных обязанностей», компенсируется недостаток «социальной любви». Источником (причиной) существования здесь следует считать движение личности от образа Божия (статическое начало) к подобию Божьему (динамическое начало). Философское осмысление данного способа социализации личности С.Н. Булгаков реализовывал в рамках концепции синергии, сотрудничества человека с Богом, в котором человек не обладает абсолютной свободой. Социализация личности перед самым собой есть постоянная духовная борьба между освобождением и порабощением своего духа. Основными методами социализации личности являлись самообразование и образование, самовоспитание и воспитание.

В статье намечены основные контуры модели социализации, предложенной С.Н. Булгаковым. Особенностью его способа философствования по данной проблеме было «стояние на пороге

храма», нередко – переход в богословствование [1, с. 52]. Основу социального обновления личности он видел в гармонизации трёх способов социализации и достижении высокого уровня религиозно-этического и социально-правового долженствования в душе человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузук Г.Л., Семаева И.И. Русская философия: истоки своеобразия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 4. 2012. С. 50–60.
2. Булгаков С.Н. О социальном идеале // Власть и право: Из истории русской правовой мысли / Сост. А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин. Л.: Лениздат, 1990. С. 225–273.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Париж: YMCA-Press, 1944. 420 с.
4. Булгаков С.Н. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. I. Париж: YMCA-Press, 1936. 224 с.
5. Булгаков С.Н. Утешитель. О Богочеловечестве. Ч. 2. Париж: YMCA-Press, 1936. 447 с.
6. Булгаков С.Н. Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Ч. 3. Париж: YMCA-Press, 1945. 321 с.
7. Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Ч. 1 / Булгаков Сергей. Книгоиздательство «Путь». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911. С. 206–233 с.
8. Гуляева И.Г. Онтология света и её рецепция в отечественной философской мысли (Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 24 с.
9. Зеньковский В.В. Прот. С. Булгаков. Утешитель, о Богочеловечестве. Ч. II. Париж: YMCA-Press, 1936 // Современные записки. Париж. XLIV. 1937. 545 с. С. 473–474.

¹ Этой идеей С.Н. Булгаков предвосхитил теоретическую позицию критического рационализма К. Поппера.

УДК 141.78:159.955

Л.В. Мурейко¹, М.В. Бахтин²*Петербургский государственный университет путей сообщения**Императора Александра I¹**Институт деловых коммуникаций (г. Москва)²*

ПОСТМОДЕРН: ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ «СТРУКТУРЫ» – К ВЫЯВЛЕНИЮ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ АКТОВ МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется способ выявления элементарных автоматизированных актов мышления, характерный для постмодернистской философии. Основная задача статьи – предварительное исследование оснований для тенденции сближения массового и элитарного типов функционирования «автоматизмов» мышления в условиях особой роли в обществе массовой коммуникации – тенденции, к которой проявляют особое внимание многие представители постмодернистской философии. Особый акцент сделан на проблеме структурирования, формообразования изначально не осознаваемой субъективной реальности.

Ключевые слова: философия постмодерна, структура, деконструкция, автоматический акт мышления, массовая коммуникация.

L. Mureyko, M. Bakhtin*St. Petersburg State Transport University**The Institute of Business Communication*

POSTMODERNISM: FROM DESTRUCTION OF «STRUCTURE» TO IDENTIFICATION OF ELEMENTARY THINKING ACTS

Abstract. The article focuses on the techniques of detecting elementary automated thinking acts, which is characteristic of postmodern philosophy. The main aim of the article is to conduct a preliminary study of the grounds for converging mass and elite types of “automatic” thinking in mass communication society, which is the trend most representatives of postmodern philosophy pay special attention to. A particular emphasis in this article is put on the problem of structuring and shaping initially unconscious subjective reality.

Keywords: postmodern philosophy, structure, deconstruction, automatic act of thinking, mass communication.

Зарождение в последней трети XX в. философии постмодерна обусловлено социальными трансформациями, связанными с процессами глобализации и широкой информатизации общества. К факторам, подготовившим условия значительных изменений прежнего способа восприятия мира, относятся революция в естествознании, научно-техническая революция в сфере информационных технологий, а также тенденция к стиранию границ между социальными группами и, тем самым, к разрушению социальной структуры, влияющей на рациональ-

ность мышления и действий человека, на возможность его самоидентификации.

В этой связи обостряется внимание философской мысли к положению об относительности утверждений об одном и том же объекте, выдвигаемому революцией в естествознании и развитием демократии в политической жизни. Появляется особый интерес к техническим и художественным возможностям создания одного и того же образа объекта в различных культурах или неотличимого от него его искусственного аналога, к феномену суррогата рационально действующего мышления в условиях усиления роли средств массовой информации.

Одной из важнейших задач постмодерна является *выявление зависимости сознания индивида (особенно – обезличенного, испытывающего трудности в самоидентификации) от готовых форм мышления, от языковых стереотипов своего времени*. При этом устанавливается мнимость содержаний сознания по отношению к реальности, а также иллюзорность свободы без выявления бессознательно формируемых схем и норм мышления, действующих автоматически, по машинному типу.

Непосредственным предшественником постмодерна и его трансформировавшимся составным элементом является постструктурализм.

Постструктурализм – направление философской и социогуманитарной мысли, которое уточняет свои методологические исследовательские установки во многом через критику и переосмысление идей структурализма.

Структурализм – это направление философских и социогуманитарных исследований, представители кото-

рого своей основной задачей считали *необходимость вскрытия глубинных, «неявных» структур социальных и культурных явлений, обусловленных языковыми конструкциями и обеспечивающих неосознаваемое основание рациональности мышления и действий человека*. При этом чувственное восприятие, субъективность в толковании мира рассматривались как механизм утаивания эти структур.

В создание собственно структуралистского направления внесли свой вклад достаточно авторитетные и разнообразные исследовательские силы в области логики, лингвистики, семиотики. Это и Женевская школа лингвистики (Ф. де Соссюр и его последователи), и русский формализм, и американская школа семиотики Ч. Пирса и Ч. Морриса, и Копенгагенский, а также Нью-Йоркский лингвистические кружки, и пражский структурализм, и структурная антропология К. Леви-Стросса, и структурный психоанализ Ж. Лакана, и семиологический структурализм Р. Барта, и эпистемологический структурализм М. Фуко.

Деятельность различных школ структурализма объединяло стремление придать статус точных наук гуманитарным знаниям именно за счёт выявления «неявных структур» социальной и культурной жизни. Реализовывалось это стремление через попытки создания строго выверенного, формализованного понятийного аппарата с обращением к анализу лингвистических категорий, законов логики и математических формул.

Структура – базовое понятие структурализма. Структура в данном случае представляется как совокупность таких отношений системы, ко-

торые инвариантны при разнообразных преобразованиях. Необходимые свойства структуры: 1) целостность (целому подчинены все его части); 2) трансформация (определённый порядок перехода одной подструктуры в другую на основе правил порождения); 3) саморегулирование (автоматическое функционирование правил в данной системе, назначение которого – сохранение целостности явления при его изменениях).

Структуралистское понимание структуры предполагает не просто установление некоторой устойчивой схемы объекта. Немаловажное значение здесь приобретает выявление такой совокупности правил, которая позволяет перевести одно состояние объекта в другое.

Общие структурные закономерности некоторого множества объектов при этом устанавливаются благодаря анализу механизма трансформации определённых различий, рассматриваемых как *конкретные варианты единого абстрактного инварианта*.

На рубеже 70-80-х гг. XX в. происходит смена структуралистской парадигмы в понимании неявных оснований мышления на постструктуралистскую. Общей чертой в структуралистском и постструктуралистском понимании мышления является признание *безличного характера лежащего в его основе механизма и автоматически (не поддаваясь контролю со стороны сознания) обеспечивающего функционально-оперативное освоение мира*.

Являясь трансформирующимся продолжением изначально присущих структурализму тематических тенденций, идеи постструктурализма в работах таких авторов, как поздние

М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, У. Эко, Ю. Кристева, а также Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, развиваются через критику структуралистских поисков структуры как устойчивого инварианта множественных изменений.

Этому способствовал тот факт, что функциональность строгой формы и рациональной целесообразности, призванной в структурализме обеспечивать контроль над неосознаваемой стихией человеческого бытия, приобрела черты формалистских крайностей. Этот факт усиливался ростом безличия индивида и отдельных культур в общественной жизни, дегуманизацией социальных связей, кризисом духовности в условиях тенденции к глобализации и широкой информатизации общества.

Критическое отношение к идее структуры как модели универсального знания, усмотрение в ней фактора, обесценивающего единичное и усиливающего тоталитарные режимы, как и саму возможность программирования мышления, заставляет бывших структуралистов обратить внимание на средства разрушения структурно единого – на фрагментарное, элементарное, единичное, различное, сингулярное.

Критически представляя принцип «структуры структурности», Ж. Деррида наиболее чётко выразил ядро уязвимости этого принципа с позиции постмодерна – проблематичность обоснования понятия «центра» структуры, рассматриваемого в качестве начала, производящего структуру, но самого не структурированного.

У. Эко в работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», анализируя проблему границ примене-

ния структуралистской мысли, выдвигает собственное понимание структуры как *коммуникативного кода*. Код, согласно У. Эко, – это система вероятностей, «сужающая изначальную равновероятность» [20, с. 454] и **ограничивающая сферу возможных событий путём внесения некоторых правил**.

Перспективность такого исследования связывается им с нарастающей ролью в обществе массовой коммуникации, которая с особой остротой ставит вопрос о средствах формирования смысла, приобретающих промышленный характер и предполагающих неопределённый круг адресатов. «Проследив за ходом событий, приведших к расширению интересов к семиологии во Франции и Германии, – отмечает У. Эко, – мы вынуждены будем признать, что оно оказалось напрямую связанным с развитием массовых коммуникаций. К этому следовало бы добавить, что проблематика массовых коммуникаций, родившихся в социологических кругах, прежде всего в Соединённых Штатах, и в кругах, связанных с социальной философией Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин и др.), в конце концов, потребовала семиологического обоснования своих принципов» [20, с. 520].

Отметим, что одна из важнейших проблем **mass-media** – **проблема достоверности их сообщений** – обусловлена самой спецификой производства, передачи и потребления массовой информации. Природа массовой коммуникации определяется, во-первых, тем, что массовый продукт как общедоступный производится для усреднённо-неопределённых адресатов, а во-вторых, тем, что он имеет особый (машинно-

технический) способ поставки, при котором непосредственная интеракция исключена. И как справедливо отмечает Н. Луман, «только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая, – привело к обособлению особой системы массмедиа» [11, с. 9].

Речь идёт о том, что продукт массовой коммуникации имеет характер копий больших тиражей, что возможно лишь при техническом способе его производства. При этом массовая коммуникация всё больше проявляет тот факт, что усиливающийся процесс индустрии средств коммуникации вызывает изменения самого смысла сообщения, задевая те его составляющие, которые считались неизменными, не зависящими от способов распространения.

Учитывая, что в условиях роста роли массовой коммуникации само средство становится сообщением, У. Эко считает необходимым перевести такое «мифологическое понятие», как «средство», на язык семиотики, истолковав его «как канал, сигнал, форму сообщения, кода и т. д.» [20, с. 519].

Стремясь сохранить место для *уникального* в условиях массовой коммуникации, У. Эко совмещает это стремление с критикой структурализма. Критика относится здесь к пониманию бинарной оппозиции как базового свойства структуры, существующего в виде универсальной комбинаторики.

Обращаясь к философской концепции элементарных понятий Лейбница, усматривавшего их в понятиях «Бог» и «Ничто» (или «Лишённость»), которые, в свою очередь, соотносились им с бинарным исчислением «1» и

«0», У. Эко выявляет параллель между этой концепцией и структурализмом. В обоих случаях, отмечает он, бинарная оппозиция, понятая как универсальная комбинаторика, как *подобие* одной стороны оппозиции другой, с необходимостью выводят на признание первоначала, *пра-структуры* или *пра-кода* как некоторого готового образования, как определённого структурообразующего образца.

Следует сместить акценты, полагает У. Эко, на *непознанность* мира и его основополагающей структуры, на многоплановую познавательную возможность – на «Ничто» («Лишённости»), на «0», на «Отсутствие». «В структурированной системе, – отмечает он, – любой элемент значим в той мере, в какой он этот, а не другой или другие элементы, на которые он указывает, тем самым их исключая. <...> Но что во всей этой механике значимых оппозиций, в конечном счёте, главное, так это то, что она даёт нам систематическую возможность узнавать то, что есть, по тому, чего нет» [20, с. 19].

Принятие идеи бинарной оппозиции как метафизического принципа, подчёркивает У. Эко, приводит к отмене самого понятия структуры, ведь в изучаемом объекте всегда обнаруживается нечто, не укладывающееся в Структуру, некий необъяснимый остаток, а структурализм предпочитает умалчивать об этом.

Структурирование означающих, полагает У. Эко, должно быть понято как выражение строения коммуникативной цепи, с учётом того, что в ней то или иное сообщение, опирающееся на одни коды, интерпретируется с помощью других. Таким образом, структура сообщения показывает его

многомерно: как носителя многих коннотаций. Более того, в разделе «Границы семиологии и горизонты практики» вышеуказанной книги У. Эко отмечает, что хотя знаки, поддерживаемые массовой коммуникацией и идеологиями, стремятся к всеохватности, к тому, чтобы стать инструментом власти, не все обстоятельства претворяются в знаки. Сами знаки живут нестабильной жизнью. Коннотации разрушаются под воздействием обстоятельств, лишаящих знаки их былой силы. И это должно находить своё выражение в структуре.

Предупреждая критику в свой адрес за усмотрение в предлагаемой концепции «отсутствующей структуры» противоречия между требованием строгой формализации и положением об открытости конкретного исторического процесса, У. Эко заявляет, что он не отказывается от замкнутых, строго структурированных систем, представленных в синхронном срезе. В действительности, отмечает он, «закрытая» система знаков и «открытый» знаково-коммуникативный процесс с необходимостью предполагают друг друга. Однако идея стабильности структуры становится утопией, как только мы, не сомневаясь, принимаем за окончательную лишь очередную фазу процесса.

Без детального анализа строгого всестороннего видения реальности, согласно У. Эко, мы рискуем принять за тотальную форму рациональности то, что является лишь одним из её вариантов. Более того, перевес внимания в сторону определённой структуры, законченной целостности как тотальной, нередко способствует неосознаваемому стремлению не заниматься деталями во избежание обнаружения

такой из них, которая не впишется в логику этой целостности. Однако устойчивость, длительность востребования определённого способа структурирования информации, как и широта спроса на него, зависит от того, насколько оно намеренно «открыто», насколько оно соответствует изменившимся обстоятельствам и разнообразным ценностям.

В этой связи, как утверждает У. Эко, более продуктивной является такая концепция структуры, согласно которой понимание формирования закрытых универсумов сопровождается осознанием открытости процесса, включающего эти универсумы в себя и преобразующего их. При этом сам этот процесс обнаруживается лишь как последовательность и различное сочетание закрытых, формализованных универсумов.

Необходимо подчеркнуть, что У. Эко усматривает продуктивность идеи бинарной оппозиции для понимания источника, элементарной базы структурообразования не только в том плане, что в ней делается акцент на нулевой элемент, на отсутствие готового образца, но и в том, что она содержит *машинизированную* или *технологическую модель элементарной структуры*.

Выделяя машинный вариант элементарной коммуникативной структуры как модель примитивного случая коммуникации, У. Эко отмечает, что в человеческом познавательном акте всё намного сложнее. И всё же, даже в машинной модели структуры примитивного случая коммуникации ставка на нулевую сторону бинарной оппозиции, на открытость познавательной системы неизвестному обнаруживает феномен избыточности этой стороны, что выражается не только в способ-

ности дублирования сообщения, но и в возможности ранее неизвестной комбинации знаков. Именно поэтому, как отмечает У. Эко, кибернетика, изучающая возможность оптимального контроля и управления автоматическими системами и электронной техникой, востребована в биологических, неврологических и даже социальных исследованиях. А сотрудничество структурной лингвистики и теории информации позволяет «применять структурные и информационные модели при описании культур, систем родства, кухни, моды, языка, жестов, организации пространства и т. п., и даже эстетика иногда заимствует некоторые понятия теории коммуникации...» [20, с. 44].

Действительно, актуальность обращения к машинной модели структуры элементарных актов означивания, имеющего коммуникативную природу, состоит в представлении возможности сближения методологий различных наук, в создании условий для описания различных явлений посредством одного и того же инструментария. При этом важно, чтобы машинная модель автоматизированных актов распознавания информации не навязывалась *полностью* базисному способу смыслообразования вместе с отрицанием в нём значимости субъективных состояний, как это неправомерно делают некоторые представители аналитической философии (см., напр.: [21]).

Итак, в своей концепции отсутствующей структуры У. Эко не отрицает необходимости структурирования познавательного процесса в известных границах. Однако по отношению к непознаваемой полностью базисной структуре мышления он предпочитает

говорить о *машинизированном* (или *технологическом*) *знаковом* способе (обусловленном социальной коммуникацией) *автоматически и вариативно* выполняемых актов означивания. Рефлексивным сознанием, согласно У. Эко, «нагруженная многообразными социально-культурными коннотациями базисная структура мышления никогда полностью не ухватывается, поэтому он и обозначает её термином «отсутствие». Отметим, что наличие базисной структуры мышления в концепции У. Эко не отрицается, но при этом указывается, что её выражение рефлексивно-аналитическим мышлением носит поисково-процессуальный характер. При этом подчёркивается, что знак через структурирование конкретного значения всегда указывает на косвенное присутствие базисной структуры мышления.

Обращаясь к концепции Ж. Лакана, У. Эко соглашается с ним в том, что «отсутствие» – это всегда присущее человеку неосознанное *желание* структуры при непознанности и вариативной интерпретации её первоисточника.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари, разрабатывая понятие «машин желаний», называют их вслед за С. Леклером «изнанкой структуры».

В отличие от Ж. Лакана и У. Эко, уже в первой главе «Анти-Эдипа...», названной «Желающие машины», Ж. Делёз и Ф. Гваттари утверждают, что в человеческом существовании исток желаний – не неудовлетворённое естество и не фантазм в отношении здесь и сейчас отсутствующего. Желания во многом производятся «социальной машиной». Современный мир пронизан *машинно-производственным* отношением к природе и к человеку: «всё

является производством: производствами производств, действий и страстей; производствами регистраций, распределений и ограничений; производствами потреблений, наслаждений, тревог и страданий» [4, с. 13].

Сравнивая феномены, обозначаемые как «технические машины» и «машины желаний», указанные авторы видят их различие в том, что вторые продуктивны благодаря их поломке. В «машинах желаний» союз желания и техники вызывает два разнородных процесса. С одной стороны, происходит поломка однотипно работающей машины (анти-производство), что создаёт условия для креативных поисков её замены, а с другой – искусственное прерывание многообразного жизненного потока, его формализация, что может быть использовано для его осмысления и технического, искусного совершенствования.

При сравнении «социальных машин» (в пределе программируемого массового способа жизнедеятельности) и «машин желаний», вторые характеризуются как обладающие свойством самоорганизующейся спонтанной креативной субъективности. Общее свойство «машин желаний» и массового способа существования человека – сообщение людям черт безличия и машинальное (в обход сознанию) действие. При этом деперсонализация, производимая «машиной желаний», наряду с чисто механической, которая характерна для масс, имеет ещё и другую разновидность – деперсонализацию особого типа. Последняя использует безымянность, собственную неопределимость для того, чтобы избежать сети программирования на однотипность с другим индивидом.

Здесь индивид под маской (или в роли) безличия, в отличие от представителя масс, контролирует своё состояние.

С точки зрения постмодернизма «центр» не может быть объективным свойством структуры для включённого в многоплановые социально-культурные процессы человека. Поэтому «центр» может играть роль лишь постулированной наблюдателем фикции. В действительности, как полагают постмодернисты, «центр» выражает позицию недостаточно знающего себя, но чрезмерно самоуверенного наблюдателя. *Утверждение «центра» структуры связано не с сознательной позицией наблюдателя, а с его социально обусловленным ожиданием или желанием.*

Ж. Делёз и Ф. Гваттари как классическому, так и структуралистскому понятию структуры противопоставляют постмодернистское понятие ризомы, заимствованное ими из ботаники. «Ризома» в постмодернизме символизирует отсутствие единого корня, связующего центра для многообразных явлений и процессов. Как противоположность структуре, она обозначает сосуществование исключительно разнородных образований, возможное благодаря их способности динамично меняться, обретая дополнительные силы из разности потенциалов и перескока с одного вектора развития на другой.

Любая целостность, основанная на исторически ограниченном понимании принципа системного тождества объекта и субъекта, с этой позиции должна быть подвергнута *деконструкции, выявляющей предельно малые составляющие этой целостности, а также возможность иного их сочетания.* Так, в процессе деконструк-

ции основы познания ищется микромир познавательных практик, основы истории – сосуществование микрособытий, в которых действуют микроагенты, неуловимые для универсальных мыслительных конструкций и решающие ситуативно возникающие задачи.

В этом есть своя логика: конкретизация принципа структурной взаимосвязи автоматических и рефлексивных актов мышления требует анализа способов поэлементного расчленения континуума субъективной реальности. Подчеркнём, что при выделении элементов субъективной реальности, форм дискретной и структурно-динамической упорядоченности её составляющих необходимо выделение и фрагментов обычно не рефлекслируемых психических процессов, включая их диспозициональное свойство (предрасположенность к выбору определённого действия).

Отметим также, что элементы автоматизированных актов субъективной реальности (в их большом сходстве и тесной взаимосвязи с объективной реальностью) в постнеклассической философской литературе не без основания характеризуются как *микрочастицы, не воспринимаемые не только обычным взором самосознания, но даже научной методологией классической теории.*

Так, Г. Башляр в работе «Новый рационализм», отталкиваясь от положений физики П. Дирака и рассматривая её как «открытую философию» новых представлений о рациональности, сравнивает действие неосознаваемых актов, которые интерпретируют действительность в автоматическом режиме, с принципом функционирования «спина» физической реальности.

М. Фуко [16; 17] при исследовании принципа формализации обычно не осознаваемых элементарных единиц автоматизированных познавательных актов выявляет в них измерение мысли, пограничное между собственным знанием и властью. Это зона сближающегося взаимоотношения между чётким, контролируемым, структурно выражаемым оформлением мысли и её сопротивлением определённой и однозначной форме как навязанной и ограничивающей познавательную динамику. Знание-власть в таком измерении описывается как неотделимое от многопланового и исторически меняющегося социокультурного контекста и в этой связи имеющее весьма гибкую сегментарность.

Фуко отмечает, что власть в её обычно не осознаваемых отношениях со знанием, укоренённых в социально-культурной практике, отсылает к её «микрофизике». Средствами «микрофизики» выявляются функционально значимые, динамичные познавательно-практические «анонимные стратегии», ускользающие от стабильных форм зримого и высказываемого. В зоне «микрофизики» знание-власть оказывается «нелокализуемым», «нестратифицируемым». Для него свойственны «отклонения», «перемены направления», «изгибы кривой», «вращения».

Ж. Делёз в своей работе «Фуко» справедливо отмечает, что размышления М. Фуко по поводу элементарных единиц знания, вплетённых в практическую повседневность и выступающих в роли обычно не фиксируемых «мелких изобретений», которые одновременно выражают и типичное, и отступление от него, имеют значительное

сходство с идеями «микросоциологии» Г. Тарда. Речь идёт о рассмотрении Г. Тардом диффузных, предельно малых и потому не фиксируемых (по сравнению с выделяемым обществом в качестве значимых) познавательных социальных практик. Они осуществляются в виде, с одной стороны, структурирования и упорядочивания жизни посредством чиновничьей визы, норм обычаев, повседневного языка, общепринятых визуальных изображений, а с другой – мелких, но постоянных отступлений от них, допускаемых представителем масс.

Анализируя природу повторения и выявляя в нём неизбывный механизм множества мельчайших различий, Ж. Делёз, ориентируясь на теорию Г. Тарда, отмечает, что перспективы раскрытия структурирования элементарных автоматизированных познавательно-практических актов в их социально-культурном и антропологическом измерении связаны с детальным анализом соотношения типического и индивидуального, как оно проявляется в повседневной жизни масс.

Особенно продуктивным представляется Ж. Делёзу своеобразное толкование Г. Тардом категории адаптации с её атрибутом подражательности, воспроизведения типичного.

Механизм адаптации человека, функциональности его действий как социобиологического существа наиболее явно представлен в приспособительном поведении масс с мимикрией «Я» индивида, с его стремлением подстроить свою отдельную особенность к многогранной безличной природе, а также к миру общезначимых социально-культурных артефактов.

Ж. Делёз позитивно оценивает упрёк Г. Тарда Э. Дюркгейму за принятие в качестве *уже заданного* того, что следует объяснить как социальное явление в первую очередь (например, похожесть людей, стирание их единичной особенности, их безличие, когда они представлены огромной численностью). Однако Ж. Делёз, на наш взгляд, принижает достижения Э. Дюркгейма, когда отмечает, что только Г. Тард при объяснении общественных изменений рассматривает идеи массовой психологии и интерференции подражательных движений в качестве продуктивной альтернативы идеям великих личностей. Большим достижением Г. Тарда, по сравнению с Э. Дюркгеймом, действительно, является его «микросоциология», которая относится не только к отношениям двух и больше индивидов, но и к единичному индивиду (его нерешительность рассматривается как бесконечно малая оппозиция, а собственное изобретение как бесконечно малая адаптация). Тем самым Г. Тардом развивается идея о том, что повторение интегрирует малые вариации таким образом, чтобы каждый раз различное (и, в целом, повторяемое) вывлялось по-разному.

Оппозиция в «микросоциологии» Тарда, справедливо отмечает Ж. Делёз, – средство такого распределения различия в повторении, при котором повторение ограничивается и открывается новый порядок и новая бесконечность повторений на иной основе. В адаптации приспособительное повторение никогда не существует в виде копирования типичного, а реализуется как «повторение дифференциалов»: воспроизводятся вариации подражания.

В рассмотрении механизма адаптации как возможности упорядоченного существования через феномен повторения нельзя не согласиться с высокой оценкой Делёзом трудов Г. Тарда, особенно его «Социальной логики». «Философия Габриэля Тарда, – пишет Ж. Делёз, – одна из последних великих философий Природы; она наследует Лейбницу <...> Философия Тарда в целом такова: диалектика различия и повторения, которая основывает возможность микросоциологии как целой космологии» [5, с. 102–103].

Необходимо подчеркнуть, что *неоднозначность вариантов выделения в разных философских концепциях элементарной основы познавательно-практических актов, реализующихся в автоматическом режиме, в конечном счете, связана с разным пониманием соотношения «молярного» (системно-целостного) и «молекулярного» (элементного) факторов в упорядочивании воспринимаемого*.

С трактовкой механизма повторения в адаптивном (функциональном) упорядочивании представлений о реальности, предложенной Ж. Делёзом, трудно согласиться в том плане, что в ней чрезмерна боязнь возвышения целостного над частным или элементарным, что характерно для функционализма тех вариантов, для которых свойственно стремление нейтрализовать в элементарных актах познавательного процесса специфику субъективной реальности.

Однако стремление к нейтрализации субъективной реальности в её элементарных актах осуществляется всё же по-разному, с позиции представителя аналитической философии Д. Деннета [8] и с постмодернистской

позиции Ж. Делёза.

Д. Деннет полагает, что субъективная реальность является несущественной для функционально-логической деятельности мышления. Ж. Делёз представляет те направления функционализма, в которых ставится задача охраны субъективной реальности от заключения её в узкие границы известного опыта.

Это убеждение Ж. Делёза укрепилось под влиянием его встречи в 1990 г. с А. Негри, своеобразно разрабатывавшем идею неразрывной связи чувственности и понятийного мышления. Влияние идеи А. Негри сказалось, в частности, на работе Ж. Делёза «Три этики Спинозы». В ней особое внимание уделялось зрительно воспринимаемым нормам этики, а также выделению среди разных типов знаков чувственного характера. Исследование этих феноменов представлено также в публикациях, посвящённых чувственно-оптическому эффекту знаков в текстах М. Пруста (см.: [6]) и особой миссии знаковых изображений кинопроизводства [7] – миссии нерелексивной и неформальной (хотя и технической) организации субъективности зрения.

На основе этих и других исследований Ж. Делёз приходит к выводу, что познавательная способность человека нуждается в пересмотре классически понимаемых *концепта* как способа мыслить, *перцепта* как способа видеть и слышать и *аффекта* как способа ощущать. Причём на первое место выдвигается аффект.

Поддерживая эту идею, Б. Массами [22] (переводчик трудов Ж. Делёза и Ф. Гваттари) оценивает заявление Ф. Джеймсона о «напрасной аффек-

тивности» применительно к эпохе позднего капитализма как неправомерное. При этом тема «аффекта» является сквозной при исследовании проблем теорий СМИ, *culture studies* и биополитики в собственных работах Б. Массами.

Акцент на особую роль новой оптики и по-новому понимаемой субъективности в построении мыслительных конструкций может открыть новые модальности функциональной организации мышления, освобождая его как от формального позитивизма, так и от узкого субъективизма. Такой подход к пониманию субъективного фактора, выходящего за рамки классически понимаемой чувственности, в функциональной организации мышления ориентирован на необходимость учитывать огромную роль в современном мире аудио- и видеосредств массовой коммуникации, влияющих на процесс формирования знания.

Вместе с признанием особой роли не классически понимаемого аффекта и новой оптики для расширения возможностей мышления Ж. Делёз использует в этих целях также отказ от положения о приоритете целостного к элементному в понимании строения познавательного акта.

Отдавая приоритет элементной стороне познавательного акта по отношению к системно-целостной, Ж. Делёз видит преимущество такой позиции в возможности открытого, непредвзятого, беспристрастного, ничем не ограниченного индифферентного взгляда на реальность.

На наш взгляд, приоритет индифферентно-элементного в организации способа восприятия мира затрудняет возможность ухватить рассеянным,

«всеядным» взглядом основание собственного ресурса в том, чтобы быть человеком.

Надежда на спонтанно возникающую «разумность» (рациональность) функциональной нерелексивной *самоорганизации* познавательной способности в её сопротивлении возможности стать опасно бесчеловечной нам кажется эфемерной, особенно в отношении массового сознания.

Чтобы действовать функционально по-человечески (а не по биологическому или машинному типу), усиливая свои возможности, индивид должен пропускать представление о полезности чего-либо для него через интеллектуальное напряжение по поводу собственной субъективной ограниченности. Это предлагает и постмодернизм. Однако всё же желательно, чтобы приоритетным было не положение о бесконечной делимости единиц знания-убеждения, а о «собрании» этих единиц, осуществляемом в практике гуманной коммуникации на основе неформальной общности различных эстетических и этических ценностей.

Наша позиция ближе к тому варианту понимания функциональности мышления, связанной с процессами деперсонализации, который содержится в этически «заряженных» идеях Э. Левинаса [10], Дж. Марголиса [12], Ю. Хабермаса [18].

Э. Левинас видит основание сопряжённости этики и функциональности в способности увидеть в *акте* (и производной от него *актуальности*) его *Иное* – неактуальное, вневременное действие, которое он связывает со способностью к гуманности. При этом гуманность как способность находить себя в *Другом* – признак избранности

индивида. Дж. Марголис обращает внимание на тот факт, что ограниченность известных форм идеологии не должна вызывать отказ от поиска её гуманистического варианта как культурного формообразующего начала для свободной индивидуальной самоорганизации. Ю. Хабермас разрабатывает проект «новой публичности», характерное свойство которой – гуманистически ориентированная коммуникативная рациональность.

В России особого внимания заслуживают работы В.Н. Поруса [13], Г.Л. Тульчинского [15], В.В. Бибихина [1], С.С. Хоружего [19], А.А. Королькова [9] и др., выявляющие связь функциональности с духовностью и ответственностью.

При этом следует признать немалые достижения постмодернизма в открытии новых, эпистемологических возможностей функционирования власти, в исследовании условий преодоления узкого позитивизма, схематизма, линейности мышления, в филигранно тонкой разработке нового типа знания с учётом огромной роли в формировании представлений о реальности в современном обществе средств массовой коммуникации.

Итак, постмодернистская позиция в понимании мышления, познавательных возможностей человека связана с постнеклассическим подходом к анализу рациональности в её связи с социально-культурными процессами. Важнейшей особенностью постмодернизма является уход от структуралистского вопроса о единых структурных закономерностях некоторого множества объектов и переключение внимания на вопрос о возможности проблематизировать многообразные, элементарные,

привычные и вследствие этого не замечаемые, выполняемые автоматически, по машинному типу (в обход сознания), но при этом функционально продуктивные, не лишённые креативности базовые акты мышления.

Такой подход к исследованию базовых актов мышления характеризуется как сдвиг в сторону антипсихологизма.

При этом следует подчеркнуть, что антипсихологизм не предполагает однозначного отрицания или игнорирования субъективности в нерелективных актах мышления. Новое понимание субъективности в работах М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари связывается с процессом *поиска* человеком своей субъектности, неопределённость которой особенно обострена в условиях глобализации и широкой информатизации общества. В «подлинной» субъективности, с этой позиции, должна быть сведена к минимуму лишь стереотипная, трафаретная сторона чувственности.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что невозможно обойтись без автоматически выполняемых актов мысли, как невозможно и обеспечение их полного контроля со стороны сознания. Поэтому сегодня являются весьма актуальными вопросы техники и технологии функционирования мысли, особенно на стадии её формирования и в условиях, когда усложняющиеся технические средства массовой коммуникации приобретают особые возможности трансформаций значений знака, в том числе знака свободного субъекта. В этой связи весьма ценными являются те работы отечественных авторов [3; 14], посвящённые философии образования, в которых предлагается уже при разработке методологии

и методик школьного приобретения знаний обращать внимание на различие между действительной свободой и принуждением к ней.

Отметим также, что при поиске путей формирования сомневающегося мышления по поводу того, что кажется безусловно рациональным и функционально-продуктивным для широких масс, не стоит вдаваться в крайние формы плюрализма в отношении любых устойчивых конструкций ценностных ориентиров мысли.

Высокая ответственность за формирование относительно устойчивых ценностных ориентиров сознания масс, конечно же, лежит на элите. Именно она несёт ответственность за риски при отпущении «на волю» актов интерпретации обычно бессознательно, автоматически полагаемых оснований организации человеческой жизни. Для данной ситуации Б. Бэйтсон [2] нашёл весьма удачную метафору: общество в своих вариативных экспериментах, которые ставятся над классическим мышлением, должно разумно страховаться подобно тому, как это делает акробат в цирке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биbihин В.В. Узнай себя. М.: Наука, 1998. 578 с.
2. Бэйтсон Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
3. Грякалов А.А., Романенко И.Б., Стрельченко В.И. Философия человека и антропология образования. М.: Академия АПК и ППРО, 2007. 212 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.

6. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки / *Marsel Proust et les signes* / Пер. с фр. Е.Г. Соколова. СПб.: Лаборатория метафизических исследований при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 1999. 190 с.
7. Делёз Ж. Кино: Кино 1. Образ движения; Кино-2. Образ-время / Пер с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2004. 624 с.
8. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея_Пресс, 2004. 184 с.
9. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 739 с.
10. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
11. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практис, 2005. 256 с.
12. Марголис Дж. Личность и сознание. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
13. Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). М.: Канон +, Канон + РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.
14. Романенко И.Б. Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века // Известия РГПУ. № 5 (10): Общественные и гуманитарные науки (Философия). СПб., 2005. С. 59–65.
15. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 167 с.
17. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастанья, 1996. 448 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
19. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75–85.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
21. Block N., Fodor J. What Psychological States Are Not / Block N. Consciousness, Function, and Representation. Cambridge, Mass., 2007. P. 45–61.
22. Massumi B. Fear (The Spectrum Said) [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1071.htm (дата обращения: 17.09.2012).

НАШИ АВТОРЫ

Бахтин Максим Вячеславович – доктор философских наук, ректор Института деловых коммуникаций (г. Москва); e-mail: midk2008@yandex.ru

Вавилин Владимир Вячеславович – соискатель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-технического университета Министерства обороны Российской Федерации (г. Балашиха); e-mail: vladimir_vavilin@mail.ru

Груздева Ольга Станиславовна – аспирант кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; e-mail: olena020670@rambler.ru

Капец Владимир Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (г. Майкоп); e-mail: vladimirkapetc@gmail.com

Клинкова Диана Анатольевна – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета, методист юридического факультета Московского гуманитарно-экономического института (Тверской филиал); e-mail: diana_klinkova@mail.ru

Коженова Любовь Валентиновна – аспирант кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; e-mail: cojenoval@yandex.ru

Макеев Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (г. Майкоп); e-mail: 82221@mail.ru

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философия, политология и социология Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I; e-mail: lamureiko@gmail.com

Олейник Юлиана Павловна – аспирант кафедры философии образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; e-mail: edinorog.ru@gmail.com

Тригубенко Людмила Евстафьевна – старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Академии Федеральной службы безопасности России (г. Москва); e-mail: Z444Z@yandex.ru

Фащенко Алина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета; e-mail: linaparis@yandex.ru